

Илья Новак
Лев Жаков

АКВАЛОН

ЭКСМО

Похитители Миров

Илья Новак

Аквалон

«Автор»

2007

Новак И.

Аквалон / И. Новак — «Автор», 2007 — (Похитители Миров)

ISBN 978-5-699-21120-3

Мир небес. Здесь путешествуют по облакам, а не по воде, здесь рыбаки ловят небесных китов, воздушных кальмаров и парусных рыб. Когда-то у ныряльщика за жемчугом Ганы было единственное сокровище – лодка. Но ее похитили, и с погони за вором начинаются события, которые сделают Гану самым опасным пиратом от Южного Завихрения до озера Стоячих Облаков. За ним будет охотиться королевский военный флот и купеческие воители, туземный монарх и безжалостные дикари. Множество мужчин станут желать смерти пирата, а прекрасные женщины будут любить его. Летающие чудовища и безумные обитатели мирового Дна – не самое страшное, с чем предстоит столкнуться бывшему ныряльщику за жемчугом. Разгадка великой тайны облачного мира – вот что ждет его впереди.

ISBN 978-5-699-21120-3

© Новак И., 2007

© Автор, 2007

Содержание

Часть первая	5
Глава 1	5
Глава 2	11
Глава 3	16
Глава 4	21
Глава 5	26
Глава 6	33
Глава 7	39
Глава 8	43
Глава 9	50
Глава 10	55
Конец ознакомительного фрагмента.	56

Илья Новак, Лев Жаков

Аквалон

Авторы благодарят Виктора Ночкина за советы и рекомендации.

*16041971 anni a principio Panglomerationis
Maxime Longa Loca (Nec Plus Ultra)
Mundus vivus Acvalonus (species «Aetheri»)
silva Kavarga
Applicatio ipsa cautionis: completa
Censura conscientiarum Creatorum: censura mutabilis*

Часть первая

ПИРАТ

Глава 1

Звали его Гана. В десять лет за несговорчивость и буйный нрав он получил прозвище На-Тропе-Войны. Некоторые обитатели островов Претории утверждали, что отец его – беглый каторжанин, а мать – туземка, но Гана своих родителей не помнил. В облачных лагунах он собирал моллюсков, чьи перламутровые раковины-лодочки затем продавал. Иногда удавалось найти и поющую жемчужину, за которую торговцы платили серебром. К одиннадцати годам Гана скопил нужную сумму и приобрел небольшой кораблик из тех, что называют джигами, – напоминающий чайку эфиоплан с треугольными килями.

Эту джигу через два года угнал один из преторианцев-мародеров. Гана узнал, кто был похитителем, нанялся юнгой на большой торговый корабль и добрался до архипелага Суладар, где выследил и прикончил вора – это стало первым в его жизни убийством. Но выяснилось, что тот успел продать лодку Толстому Вэю, владельцу скобяной лавки и скупщику краденого, живущему в туземной части острова Да Морана. Вооружившись ржавым тесаком и парой ручных огнестрелов, снятых с пояса мертвого вора, Гана явился в магазинчик Вэя и сказал хозяину, который с удивлением воззрился из-за прилавка на темноволосого смуглого мальчишку:

– Меня зовут Гана. Еще называют На-Тропе-Войны. Я преторианец. Может, ты слышал обо мне. Три дня назад Кривой Манан продал тебе джигу с килями из зеленого шелка и цветком, нарисованным на руле. Я пришел забрать ее. Это моя джига.

Обрюзгший старый туземец слышал о Гане, так как его бизнес был связан с преторианскими бандитами. Он пошевелил бровями, поднял руку и сдвинул пальцы так, будто собирался щелкнуть ими. Но не щелкнул.

– Моя знает твою, но нехорошо. Твоя – детеныш с Таит, собирает поющий жемчужина в стремнине Боранчи и меняет Толстым Барыгам на деньги-деньги?..

– Джига, – повторил На-Тропе-Войны. – Где она?

– Джига – малый кораблик? – ответил Вэй. – Зеленые крылья? Руль – рисунок?

Цветок – золотой лотос, красивый-красивый?

– Да, – сказал Гана.

Вэй ласково улыбнулся и пожал пухлыми плечиками.

– Моя не видел этот твой кораблик. Моя не знает...

– Я сейчас убью тебя, – предупредил Гана.

Лицо Вэя напряглось, и он совсем другим голосом произнес:

– Уходи, мальчик. Если ты был таким глупцом, что позволил кому-то украсть свою лодку, – значит, сам виноват. За джигу заплачено. – И он шелкнул пальцами.

Слева от прилавка открылась дверь, в помещение бесшумно скользнули двое.

Гана достал пистолеты-огнестрелы и послал заряд дробы в грудь молодого синекожего туземца. Второй охранник попытался ударить На-Тропе-Войны ножом, но не успел, получив выстрел в живот.

– Где джига? – повторил Гана, когда два тела упали у его ног.

Торговец с неожиданной прытью перемахнул через прилавок. В руках его было ружье – огнестрел с длинным стволом и прикладом, который следует упирать в плечо. Вэй уже собрался выстрелить, но Гана метнул свой тесак и попал в толстую шею. После этого он сказал, встав над мертвым островитянином:

– Если бы ты отдал джигу, жил бы дальше.

Он забрал три огнестрела, тесак, кинжалы и очистил карманы Вэя от монет. На шее торговца красовался дорогой ярко-красный платок, и Гана, подумав, снял его. На-Тропе-Войны вышел через задний ход, слыша голоса людей, что сбегались к магазину. Позади дома – тот стоял на краю острова – был окруженный высокой изгородью большой причал с десятком краденых эфиропланов – кораблей, снабженных газовыми емкостями для облакоплавания. Между коршнем-буксиром и рыбацкой розалиндой он увидел свою джигу. Хотя цветок на носу был покрашен, На-Тропе-Войны сразу узнал ее. Ворвавшиеся в магазин островитяне, обнаружив трупы, побежали к заднему ходу, но когда добрались до причала, разглядели лишь хвост джиги, улетающей по облакам.

* * *

Проведите на карте мира прямую линию между южной частью континента под названием Бултагари и островом Да Морана, самым большим среди тех, что составляют архипелаг Суладар. На середине этой линии начертите перпендикуляр к югу – он пересечет группу едва заметных точек. Это коралловые острова, скорее даже не острова, а рифы, ведь вершины многих не видны, и если в безветренную погоду вы встанете на какой-нибудь из них, то окажетесь по колено в облаках. Эфироплавание здесь затруднено, крупные корабли не могут передвигаться, так как рискуют повредить свои емкости и пойти к далекому дну.

После убийства обитатели Да Морана искали Гану, и он скрылся от них на Кораллах. Ему повезло: Толстый Вэй был мелкой сошкой, награда за голову преступника оказалась скромна. Несколько вольных охотников из тех, что победнее, и трое профессиональных ловцов серапионов отправились на поиски, но либо вернулись ни с чем, либо вообще не вернулись. Беглецу не было еще и пятнадцати, когда один из охотников перед смертью успел ударить его своим крюком для вскрытия черепов, рассек левую бровь, щеку и чуть не лишил глаза. Бровь и щека срослись, на месте раны остался ровный вертикальный шрам, а глазное яблоко налилось кровью. С тех пор На-Тропе-Войны имел глаза разных цветов: черный, как у большинства туземцев, и светло-желтый. Ну а если его охватывала ярость – кровь прилиwała к голове, и левый глаз краснел.

Гана прожил на Кораллах несколько лет. Он исхудал, кожа его стала цвета кофе с молоком. На-Тропе-Войны ловил летучих рыбок, а еще, метко метая ножи, сбивал с камней подвижных моллюскогусениц, у которых были очень вкусные мясистые присоски. На вершинах некоторых особо крупных возвышенностей возникали земляные наносы, позволяющие выращивать овощи.

Нырять и плавать Гана умел с раннего детства, теперь же научился преодолевать под поверхностью облачного пуха значительные расстояния. Он ползал по отвесным склонам, перепрыгивал с одной узкой вершины на другую, мог даже повиснуть на левой руке, карауля некрупных акул-серлепок, ну а когда их серебристые тела появлялись в облаках – правой метнуть нож и попасть в жабры на середине головы, единственное место, в которое можно поразить акул.

Течение Грузэр-Конгруэр, являвшееся как бы главным стволом в древе всех океанских потоков, упиралось в Кораллы. Иногда облачный прибой выбрасывал на рифы обломки эфиروпланов, разрушенных, но не затонувших (некоторые породы деревьев тяжелее эфирного пуха, а некоторые легче). Гана и несколько других островитян – в основном это были туземцы и метисы, по разным причинам сбежавшие с архипелага, – отыскивали то сундуки, то пробитые лодки, то части корпусов. Часто из-за находок начинались драки, в которых На-Тропе-Войны неизменно побеждал, так что в конце концов, невзирая на молодость, он стал верховодить, и все немногочисленные островитяне признали его за командира. Среди прочих здесь жил Джудиган, получивший хорошее образование метис-механик, давным-давно служивший советником при дворе владыки Гроша. Проведя сложный научно-магический ритуал, механик усовершенствовал джигу Ганы и помог островитянам из обломков эфиропланов построить несколько корабликов – подвижных и быстрых.

Так в Южном Аквалоне появилась банда пиратов под предводительством капитана Красный Платок, долгое время грабившая торговые корабли и нападавшая иногда даже на гаераков – львиных людей с Арок Фуадино. Джудиган был хорошим механиком. Взяв за основу строение не птиц, но рыб, он сумел создать новый тип одноместного корабля – короткое полое бревно с заостренными концами, снабженное килем, крыльями и небольшим косым парусом. Корпус оставался в облаках, сверху выступали только парус да торс седока. Облачный пух можно было процеживать, отжимать и высушивать, в результате чего получалась питьевая вода и краски, в зависимости от времени сушки – мутно-белые или голубые. Этими красками пираты покрыли кораблики и грубую ткань парусов. Моряки, сидящие в наблюдательных гнездах на мачтах торговых судов, замечали их, лишь когда хищная стая джиг выныривала у самого эфироплана и атакующие, оглашая воздух криками, принимались швырять крюки на длинных веревках.

* * *

На островке, где росла небольшая банановая роща, Гана построил себе хижину. Вечерами он садился на берегу, слушал странную песнь живых жемчужин, доносящуюся из облаков, и наблюдал, как светило медленно гаснет в высоком небе Аквалона.

Иногда приходил Джудиган и рассказывал что-нибудь о своей прежней жизни. Он стал кем-то вроде учителя для Ганы, от него тот узнал о далеких восточных землях, услышал много новых слов, а еще по старинной потрепанной книжке с названием «Дневник Артегая Гроша, облакоплователя и путешественника» выучился читать и писать.

Однажды Гана спросил:

– Из чего на самом деле состоит Большой Эрзац?

– Скопище старых эфиропланов, – отвечал пожилой метис. – Конгруэр выкинул их к стоячим облакам, к озеру Вейжи. Сейчас те древние корабли находятся где-то в самой середине, со всех сторон скрытые постройками, которые добавились позже. Нижняя часть Эрзаца глубоко погрузилась в облака. Самый первый корабль, его основу, нашел и начал обустривать Артегай Грош. На борту того судна было написано «Блуждающий Эрзац». В своих скитаниях Грош однажды натолкнулся на него – огромный корабль чужих, гораздо больше даже наших

глинкоров. Он состоял не из древесины, а из чего-то незнакомого нам, да и вообще, по слухам, выглядел как-то очень необычно...

– Корабль чужих? – переспросил На-Тропе-Войны. – Каких чужих?

Собеседник пожал плечами.

– То ли это были боги Канона, то ли те, кто пришел, – он показал рукой вниз, – со дна.

Гана удивленно взглянул на механика. Считалось, что материки, где обитали народы Аквалона, – это огромные горы, чьи плоские вершины, покрытые озерами, речками, пустынями и лесами, поднимаются над уровнем облаков, ну а острова – нечто вроде тонких и очень высоких утесов. Эфирный океан окружен Орбитиумом, мощным кольцевым течением, которое пока что не смогло преодолеть ни одно судно. Среди народов Тхая бытовала легенда о том, что за Орбитиумом лежит *мглистое пространство* – место, куда души людей попадают во время сна. Знаменитый облакоплаватель Артегай Грош, открывший Имаджину и материк, названный впоследствии его именем, впервые исследовавший северные стоячие облака, на своем эфироплане «Мелос» уплыл в Орбитиум – и не вернулся. Впрочем, существовала и другая легенда: будто бы Гроша убили ситэки, монахи Живой Мечты, таинственные враги канструктианской церкви.

Гана никогда не думал, что там, у подножий, возможна жизнь.

– Кто-то живет под океаном? – спросил он.

– Нырни в эфирный пух, – предложил Джудиган. – Ты будешь опускаться очень долго, часы, а может, и дни и в конце концов достигнешь дна. Почему ты думаешь, что там никто не обитает? Возможно, оно населено так же, как населена поверхность, то есть все наши земли...

– Не я достигну дна, а мое мертвое тело. Ведь там везде пух. Я был ныряльщиком и знаю. Если вдохнешь, он забьет глотку, грудь. Ты быстро умрешь.

Вместо ответа Джудиган показал вверх, и Гана поднял голову. Далеко-далеко над эфирным океаном медленно ползло несколько тучек.

– Облака есть и там, – сказал метис.

– Но эти – летают, а те, по которым мы плаваем, внизу становятся сплюснутыми и мокрыми. Они не могут летать по воздуху, только лежать слоями. Потому, скорее всего, даже мертвое тело не попадет на дно – застрянет в облаках. Повиснет там, пока его не растворят фантомы...

– Так или иначе, мы еще не знаем, что внизу, можем лишь предполагать. Ты помнишь, что означает слово «эксперимент»? Как-то Артегай Грош провел один: приказал своим мастерам сделать эфироплан без палубы и мачт. Куль, накрытый сетью из канатов, с привязанной под ним корзиной...

– Под ним? – удивился Гана.

– Да, представь себе, она висела под кулем. Большая круглая корзина. В куль накачали подземный «легкий газ», такой же, какой мы используем для обычных эфиропланов, но Артегай его сначала разогрел, пропустив через особую печку. Емкость взлетела, потащив корзину за собой. В ней сидел помощник Гроша с подзорной трубой, пистолетом и запасом пищи... Я думаю, можно, наверное, построить летающий эфироплан с большими кулями и паровыми двигателями... Говорили, в Гельштате уже пытаются соорудить воздухолет. Так вот, облака наверху состоят из такого же пуха, а под ними живем мы – и мы ведь не задыхаемся, не так ли? Почему ты думаешь, что наш облачный океан длится до самого дна, до оснований гор-материки? Возможно...

– Но что стало с тем летающим эфиропланом? – перебил На-Тропе-Войны.

– Снизу к корзине был привязан канат, очень длинный. В конце концов, когда эфироплан стал точкой в небесах, Грош, подождав немного, приказал своим работникам притянуть его назад к земле. Помощник... – Джудиган замолчал, прикрыв глаза, улыбнулся.

В конце концов Гана не выдержал и спросил:

– И что? Что помощник увидел сверху?

– Его в корзине не оказалось. Исчез. Артегай долго ломал голову над тем, куда мог подеваться воздухоплаватель. Ведь за корзиной следили в подзорные трубы несколько человек, вверху ничего не пролетало, тело не падало... Через три дня уже почти заболевший из-за непонимания Грош решился на безумный, бессмысленный опыт: приказал опять поднять газовый куль, теперь с пустой корзиной. Когда она стала едва заметной точкой в небе, канат закончился. Эфиروплан оставили вверху на целую ночь, утром притянули назад – и нашли в корзине помощника. Он сидел на корточках, уставившись перед собой. Не шевелился. Его привели в чувство, и тогда выяснилось, что этот человек ничего не помнит, не знает, где находился все это время. Единственная улика – длинное белое волокно, которое пристало к стенке корзины. Вроде волоса, только какого-то необычного. Он растаял через некоторое время, так что исследовать его не успели. А помощник хоть и пришел в себя, но до конца не оправился и стал немного странным. Иногда говорил невпопад, иногда махал руками, будто пытался поймать что-то невидимое, пролетавшее мимо его лица. Загадка волновала Гроша до конца жизни. Ведь кроме прочего на своем летающем эфироплане он мечтал достигнуть Кавачи... – Джудиган указал в небо, где плыл длинный, напоминающий узкую овальную лодку спутник Аквалона. Темное тело медленно вращалось вокруг висящего в центре небес светила. Днем, в ясную погоду, Кавачи, хоть и парил на огромной высоте, был виден более или менее отчетливо, ночью же, когда светило гасло, превращаясь в бледный круг, он едва заметно мерцал.

– Артегай собирался предпринять другие эксперименты, – продолжал механик. – Но у него не хватило средств, а после он заинтересовался Орбитуумом, отплыл на своем «Мелосе» и пропал. С чего я начал эту историю? Да! Под эфирным пухом может быть прослойка обычного воздуха, и для обитающих на дне нижняя граница нашего океана кажется лишь слоем облаков высоко над головой...

– Что за существа могут жить там? – воскликнул удивленный Гана, но собеседник покачал головой.

– Этого нам знать не дано. Однако серапионы плавают в облаках, дышат... значит, жизнь возможна и там.

– Не уверен, что моллюскоглавцы вообще дышат, – проворчал На-Тропе-Войны. Больше ему сказать было нечего.

Светило Аквалона исправно разгоралось и гасло, дни и ночи шли своим чередом. Изредка оно горело тусклее – начиналась осень, сменяющаяся зимой, – потом вновь раскалялось. Однажды, – когда Джудигану уже наскучили Кораллы и он уплыл попытать счастья в бескрайних землях Прадеша, посреди ядовитых джунглей которого, как говорят, спрятаны несметные сокровища древних, – пираты взяли на abordаж скайву, изящный эфиروплан средней величины. Они зарезали или сбросили за борт матросов и боцмана. Гана застрелил капитана, защищавшего вход в свою каюту, и выломал дверь.

Стоящая посреди каюты молодая туземка сжимала в одной руке маленький огнестрел, а в другой – кинжал. Когда дверь сорвалась с петель и упала, в проеме возник юноша со шрамом на скуластом худом лице, длинными черными волосами с бронзовым отливом, разноцветными глазами, – жилистый, одетый лишь в короткие, подвязанные матерчатым поясом штаны. В руках его был огнестрел и палка с заостренным крюком на конце. Рукояти второго огнестрела и пары ножей торчали из-за пояса.

Ну а Гана увидел девушку куда младше себя. Нежно-синий оттенок кожи свидетельствовал о ее юности; золотой обруч в белых, как облака, волосах, красные шаровары, шелковая блуза и изящные остроносые туфли – о богатстве, а раскосые глаза и точеные черты лица – о знатном происхождении. Гана разинул рот и опустил оружие. Окружающее подернулось серой дымкой, фигура туземки, наоборот, засияла. Мир пропал – осталась лишь она.

Его толкнули, мимо кто-то пробежал. Девушка выстрелила и убила одного из пиратов. Второй ударил ее так, что она упала у стоявшего под стеной сундука. Пират занес багор, собираясь вонзить ржавый зазубренный крюк в грудь под прозрачной блузкой.

– Стой! – крикнул На-Тропе-Войны, приходя в себя.

Багор начал опускаться, и Гана выстрелил в пирата.

Изобретенные оружейниками Гельштата огнестрелы состоят из металлической трубки-ствола, деревянной рукояти, фитиля и спускового механизма. Их забивают порохом или *горючим песком* – смесью серы, древесного угля и селитры, – заряжают либо каменными ядрышками, либо железными пулями, либо свинцовой крошкой, а иногда дробинками из особого синего стекла. На-Тропе-Войны предпочитал дробь, и теперь она пробила сжимающую оружие руку.

Он ранил Тука, у которого было два брата, также участвовавшие в нападении на скайву.

– Зачем ты сделал это? – воскликнул Тага, старший брат Тука.

– Ты покалечил его! – сказал Атак, младший брат.

В дверях толпились другие пираты. Братья с угрожающим видом подняли свое оружие – багры и ножи.

Гана встал так, чтобы туземка оказалась за его спиной, достал из-за пояса второй огнестрел и сказал:

– Вы не тронете ее.

– Кто помешает нам? – спросил Атак.

– Я могу убить вас.

– Командир! – подал голос один из пиратов. – Что ты делаешь? Мы всегда делим добычу по-честному. Ты сам придумал такие законы для нас. Хочешь нарушить их?

– Да, – сказал Гана.

– Ты предатель, – обвинил Тага.

На-Тропе-Войны смолчал, хотя его желтый левый глаз начал краснеть.

Атак, завопив, бросился на Гану – и упал, когда тесак пробил его плечо. Постанывая, он отполз назад. Тага помог брату встать, после чего пираты отступили в коридор и там принялись тихо совещаться.

Потом Тага сказал:

– Хорошо, эта добыча твоя, а мы заберем себе все остальное. Больше ты не наш командир. Делай что хочешь. Не возвращайся на Кораллы.

Они ушли, закрыв дверь. Когда шаги стихли, На-Тропе-Войны повернулся к туземке и спросил:

– Кто ты?

– Меня зовут Гельта, – сказала она, поднимаясь. – Гельта де Алие. Ты можешь получить за меня большой выкуп. Я дочь властителя Эрзаца и плыву в порт Да Морана, чтобы выйти замуж за сына Эолы, королевы Суладара. Выкуп будет больше, если ты не тронешь меня.

Гана положил оружие у ее ног и сказал:

– Я не хочу выкуп. Я хочу тебя. Но я не хочу тебя силой. Сейчас я повернусь к тебе спиной, чтобы подойти к двери и запереть ее. Ты можешь убить меня. Целься в шею, чтобы смерть была быстрой.

Когда он вернулся, Гельта сжимала оружие обеими руками. На-Тропе-Войны подошел ближе, и ствол уперся в его грудь. Гана положил ладонь на огнестрел и медленно отвел его в сторону. Пальцы Гельты разжались, оружие упало на пол. Пират поднял принцессу Большого Эрзаца на руки и отнес к кровати под стеной.

Глава 2

Великий облачный океан бороздят эфиропланы разных форм и размеров. Есть дорингеры, снежни, скайвы, розалинды, джиги... Грузовые и военные, пассажирские и рыбацкие, лишенные надувных емкостей одноместные лодочки под косыми парусами и громады со сложной оснасткой и двумя полными летучего газа кулями внутри корпуса.

Гана вышел из капитанской каюты спустя семь часов. В рубке он нашел компас – приземистый железный цилиндр с прозрачной крышкой, где в разреженном пухе плавала длинная рыбка-иголка. В высшей степени необычными созданиями были эти обитательницы облаков, и до сих пор никто не знал ничего про их происхождение. Безглазые и безротые, они возникали в эфирном пухе возле Орбитиума точно на юге, западе, востоке и севере. Северные рыбки имели белый окрас, южные – красный, восточные – зеленый, а западные – синий. Живые иголки всегда плыли к центру мира, в сторону Беспричинного Пятна. Сбить их с этого курса или хотя бы на время отвлечь было невозможно. Поэтому всегда – глухой ночью или в самую пасмурную погоду, когда светило исчезало за облаками, – тонкий, как волос, нос рыбки-компаса, заключенной в цилиндрическую темницу, указывал к центру мира. Исходя из этого, а также цвета, можно было определить направление. Рыбок не кормили – потому что оставалось неизвестным, чем они питаются, да и ртов у них не было, – и когда очередная подыхала, просто вылавливали в облаках новую.

Гана посмотрел на тонкое тельце, что беспрерывно извивалось, ткнувшись носом в стенку цилиндра, будто пытаясь просверлить дырку, и вышел наружу. Течение несло скайву на запад, вокруг, сколько хватало глаз, простирались облака. На-Тропе-Войны отыскал камбуз, где разжился едой и питьем. Вскоре наступила ночь, которую они провели в каюте принцессы, а на следующий день впереди у горизонта возникли пятна островов.

– Я не управлюсь в одиночку с этим кораблем, – произнес он, стоя вместе с девушкой на носу скайвы. – Здесь была большая команда. Можем сесть на мою джигу, но она не годится для долгого плавания.

– Течение несет нас к Суладару? – спросила Гельта.

– Да.

Они помолчали, а потом спутница сказала:

– Ты все еще можешь получить за меня вознаграждение. Я стою дорого.

– Почему тебя выдают замуж за короля архипелага?

– Не короля – принца. Его отец погиб, но Экуни Рон станет королем, только когда умрет его мать, старая королева Эола. Роны Суладарские хотят объединиться с повелителями Эрзаца. Мой отец был ранен гаераками во время их последнего нападения на стоячие облака, теперь он медленно умирает. На архипелаге знают про это... Если принц женится на мне, после смерти отца он сможет править и Эрзацем.

– А потом два военных флота объединятся, чтобы уничтожить прайды Арок Фуадино, – понял Гана. – Затем принц попытается захватить Тхай, Змеедан и даже Грош... Когда свадьба?

– Через пять дней.

Он повернулся к спутнице, провел рукой по пышным белым волосам. Родители Гельты де Алие наградили дочь редкой экзотической красотой – женщин, подобных ей, Гана не видел еще никогда. Это была мягкая, податливая красота, быть может, не во всем покорная тому, кто решит завладеть ею, но готовая уступать и в конце концов подчиняться. На-Тропе-Войны взял принцессу за плечи и привлек к себе. Она не отстранилась, но и не подалась к Гане; с самого начала ему казалось, что Гельта все время чего-то ждет от него, словно принцесса не стремилась сама направлять свою жизнь, но привыкла, чтобы за нее это делали другие – окружающие ее мужчины.

– Твой жених нацелился далеко, – сказал На-Тропе-Войны. – Хотя преторианцы никогда не согласятся на владычество Суладара в западных облаках. А я не согласен отдавать тебя твоему жениху.

Принцесса опустила длинные ресницы, и Гана поцеловал ее, а затем, взяв за руку, повел в каюту.

* * *

На следующий день впереди он увидел Суладар – не сплошную береговую линию, но лабиринт островов, – и стоящие на рейде эфиропланы. Вскоре из каюты появилась Гельта. Они с Ганой прошли на полуют и посмотрели назад. Пять военных шержней, оцетинившиеся стволами больших огнестрелов, нагоняли скайву.

– Это те, что сопровождали нас, – сказала принцесса. – Корабли Да Морана. Мой жених послал их к озеру Вейжи, чтобы они охраняли меня на пути сюда. Был шторм, и они потеряли нас, а теперь нагнали.

– Ты ничего не говорила про сопровождение, – откликнулся Гана. – А шторма в последнее время происходят все чаще. Недавно даже наши Кораллы тряслись. Мои люди были очень напуганы.

Гельта пояснила:

– Это называется землетрясение. Я слышала от торговца, который привозит моему отцу товары с Бултагари, что на востоке они происходят чаще.

– Но у нас раньше такого не было, – возразил На-Тропе-Войны.

Пираты оставили ему джигу; кораблик волочился под левым бортом, удерживаемый веревкой с крюком, впившимся в планширь. Шержни приближались, растянувшись широким строем. Наверняка в подзорные трубы преследователи уже заметили, что на палубе скайвы нет команды.

– Они убьют тебя, – сказала Гельта. – Беги.

– Ты пойдешь со мной, – решил Гана.

Под весом двоих корпус джиги погрузился в облака так, что лишь головы беглецов да угол паруса виднелись над поверхностью. Принцесса сидела позади Ганы, прижавшись к нему. Уходить в открытый океан не имело смысла: из-за дополнительного веса лодочка плыла медленно, и ее наверняка догнали бы. Гана направился к Да Морана. Стоял жаркий день, впереди над крышами портовых зданий струилось марево, дымила труба мастерской, где наполняли летучим газом емкости кораблей. Рядом поблескивал широкий купол канструктианского святилища.

На-Тропе-Войны повернул джигу влево, по дуге огибая эфиропланы на рейде. Грузовые и пассажирские корабли, как правило, использовали два куля-подушки, кормовую и носовую, между которыми располагался вместительный трюм с чугунным балластом в нижней части, военные и рыбаки – одну вытянутую под всем корпусом емкость в форме сосиски. Из-за этого даже с большого расстояния по очертанию судна всегда легко можно было определить его предназначение. В порту Да Морана стояло много торговцев, но Гана разглядел и пять военных эфиропланов.

Позади, с палубы одного из шержней, взвилась, оставляя за собой шлейф черного дыма, начиненная горючим песком ракета – и взорвалась, на мгновение превратившись в огненную медузу. Со смотровой площадки здания портовой администрации навели большую подзорную трубу на треноге. Наблюдатель увидел на мостике помощника капитана. Тот сделал несколько сложных знаков. Шевеля губами, наблюдатель стал переводить – этот язык, напоминающий жестикуляцию глухонемого, знают моряки любого флота, равно как и систему световых сигналов, которые также часто используют облакоплататели. Поняв сообщение, наблюдатель выру-

гался и загрохотал каблуками по ступеням лестницы, спеша в кабинет капитана портовой стражи.

* * *

Экуни Рон, двадцатипятилетний сын королевы Эолы и покойного короля Рона Суладарского, тренировался в зеркальной комнате. Облаченный в белые бриджи и белоснежную рубаху, он стоял, широко расставив ноги, с легкой рапирой в одной руке и тонким кинжалом в другой. Защитную чашку рапиры украшали золотые узоры, навершием рукояти служил серапионов глаз. Экуни был чистокровным бултагарцем с вьющимися каштановыми волосами, тщательно подстриженными бородкой и усами. Он сделал выпад, отступил, упав на одно колено, пронзил острием воздух, при этом внимательно наблюдая за своим отражением. Раздался стук. Принц Суладара встал и повернулся к неприметной зеркальной двери в углу комнаты.

– Да, – недовольно произнес он.

Дверь приоткрылась, заглянувший слуга сказал:

– Скайва с принцессой и эскорт, ваша милость. Они приближаются, но там что-то неладно.

Вскоре Экуни был в порту, где его поджидал отряд во главе с Трэном Агори, капитаном дворцовой стражи.

– Что происходит? – спросил принц.

Трэн, огромный чернокожий с Имаджины, самого южного материка Аквалона, поклонился и низким хриплым голосом рассказал, как обстоят дела.

Тонкие брови Экуни приподнялись.

– Моя невеста в плену? – переспросил он.

– Похоже на то, принц, – ответил Трэн.

– Но захватил ее лишь один человек?

– Судя по всему – да. Скайва брошена. – Верзила показал туда, где между портовыми строениями виднелись белоснежные перекаты облаков. – А похититель с принцессой высадились в скалах к югу от порта.

– Там ведь сторожевая башня?

– И мы уже сообщили туда о происходящем. Отряд солдат вышел из башни и растянулся, чтобы не пропустить никого в глубь Да Морана. Матросы с двух шерженей также высадились и идут от берега. Этому пирату, или кто он, ничего не остается, кроме как попробовать пройти между коралловой стеной и берегом.

– Так идем навстречу, – решил Экуни Рон.

* * *

Принцесса не пыталась вырваться, но Гана так и не смог понять: она идет, потому что ее крепко держат за руку или потому что хочет идти с ним.

На-Тропе-Войны не бывал на Суладаре с тех самых пор, как преследовал похитителя своей джиги, и за много лет успел позабыть архипелаг. Привычная тишина рифов, нарушаемая лишь пением живого жемчуга да шелестом ветра в листве редких деревьев, сменилась стуком колес по мостовой, голосами людей, ржанием лошадей. Все это доносилось справа, из порта, а слева тянулись пальмовые рощи и невысокие холмы. Между вершин виднелась сторожевая башня, одна из трех, построенных вдоль южного берега, чтобы предупреждать о приближении вражеских военных судов или облачных колес, на которых передвигались гаераки – львиные люди с Арок Фуадино.

Надеясь скрыться между холмами, Гана направился в сторону башни и вскоре увидел солдат, идущих навстречу. Если бы не принцесса, он ввязался бы в схватку с ними, но сейчас пришлось поворачивать. Беглецы успели пройти совсем немного, когда Гельта остановилась и приложила ладонь козырьком ко лбу.

– Лодки, – сказала она.

В портовой бухте стояло несколько торговых клиргонов, розалинды рыбаков и коршни-буксиры. Большинство кораблей, оснащенных газовыми кулями, плавали под парусами и на веслах; буксиры приводились в движение паровыми двигателями, о чем свидетельствовали гребные колеса и широкие трубы, торчащие наискось в кормовой части. Обладающие хищными очертаниями шержни эскорта выстроились ровной линией – кроме одного, пришвартовавшегося к брошенной скайве, по палубе которой уже сновали фигуры. К берегу плыли лодки.

– Они послали погоню, – сказала принцесса.

Гана огляделся.

Портовые здания стояли вдоль берега, в океан отходило множество деревянных настилов, где обычно сгружались товары. Порт кишел торговцами, моряками и нищими.

Лодки подплыли к причалам. В руках матросов поблескивало оружие.

Взгляд Ганы скользнул дальше, к отвесной стене из кораллового камня, что широкой дугой огибала порт – вдоль ее подножия тянулся сплошной ряд складских построек. За стеной высился горный склон, покрытый буйной растительностью. Там и здесь среди зелени виднелись крыши домов, на вершине сверкал дворец суладарского короля. По склонам можно было попасть в глубину острова, и Гана устремился вперед.

Он достиг начала пустынной улицы, с одной стороны которой шла белая стена, а с другой – склады. Здесь они стояли вплотную, напоминая одно очень длинное здание, разделенное перегородками на разные помещения. Все это наверняка хорошо охранялось – если попытаться перелезть через крыши и добраться до порта, неминуемо поднимется шум. На-Тропе-Войны повел Гельту дальше. Теперь справа, ближе к океану, были бревенчатые стены, а слева – коралловая громада. Поднимая пыль, Гана бежал по изогнувшейся полумесяцем пустой дороге, волоча принцессу за собой.

Раздались приглушенные голоса, и он на ходу оглянулся: далеко сзади показался отряд, состоящий из дюжины солдат. На-Тропе-Войны ускорил бег.

На середины улицы беглецы остановились – спереди донесся лязг. Отпустив руку девушки, Гана достал из-за пояса свои ножи. Изгибы улицы скрыли солдат и не позволяли увидеть тех, кто находился впереди. На-Тропе-Войны посмотрел на коралловую стену.

– Неужели ты сможешь подняться по ней? – спросила принцесса.

– Я хорошо умею лазать, – откликнулся он. – На Кораллах я научился этому. Лазать и плавать.

– Но я – не умею.

Он взглянул на Гельту. О ее фигуре можно было сказать много чего, и первые слова, которые просились на ум, – роскошная, женственная, округлая. Но природа явно не предназначила это тело для ползания по скалам и для прочих тяжелых физических упражнений – оно было создано для другого.

– Значит, вперед. Может, там их меньше.

В этот момент из-за поворота вышли чернокожие люди – один, второй, третий, четвертый, вскоре большой отряд перекрыл улицу. Посередине и немного впереди остальных стояли двое: черный здоровяк и худой бледнолицый мужчина в светлых одеждах. У великана была кривая сабля, а у белого – рапира.

– Экуни! – воскликнула Гельта.

Гана спросил:

– Принц?

– Да, мой жених. А тот второй... я никогда его не видела, но слышала про черного с Имаджины. Он был главой охраны на Плоте Скенци, но что-то там произошло, кажется, он зарезал сына Владетеля, потом сумел бежать... Теперь возглавляет охрану дворца. Его зовут Трэн Агори. Он знаменитый убийца.

Донесся громкий холодный голос:

– Принцесса Гельта, вы целы?

– Да! – прокричала девушка.

Экуни Рон внимательно разглядывал их. Рядом с его невестой стоял загорелый юнец среднего роста, облаченный лишь в короткие штаны, босой, с длинными темными волосами. Рон переглянулся с Трэном Агори.

– Метис, – сказал тот. – И дикий с виду... Преторианец, должно быть. То есть бывший преторианец, потому что у него на шее...

– Это Красный Платок, да? Я слышал о нем.

– Стань позади, – сказала Гельта. – Приставь к моей шее кинжал и скажи им, что зарежешь меня, если они приблизятся.

Гана, что-то проворчав, шагнул к стене и провел ладонью по ноздреватой поверхности. Громада была сложена из массивных, в половину человеческого роста, блоков кораллового камня. Они нагрелись на жаре, стали почти горячими.

На-Тропе-Войны оглядел отряд, остановив взгляд на принце Суладара.

– Тоже пришел сюда вместе со своими людьми, – сказал Гана. – Не трус.

Он обнял Гельту, прижал к себе и поцеловал. В сотне шагов от них Трэн Агори ухмыльнулся, а принц воскликнул:

– Это переходит всякие границы!

Гана отстранился – раскосые глаза принцессы внимательно и серьезно смотрели на него. На-Тропе-Войны, сняв с шеи красный платок, сказал:

– Я могу пробраться куда угодно. Дашь знать – я найду тебя.

Принцесса молча взяла платок, и тут сзади появились солдаты. Впереди Трэн Агори отдал приказ – вооруженные кривыми саблями чернокожие направились к беглецам. Экуни Рон что-то повелительно выкрикнул, они побежали. Гане множество раз приходилось лазать по отвесным стенам. Примерившись, он вонзил нож в щель между коралловыми блоками, подтянулся, вонзил второй в следующую щель, высвободил первый и под палящими лучами светила быстро пополз к далекой вершине. Комкая в руках платок, Гельта смотрела вслед. Когда На-Тропе-Войны находился уже высоко, снизу прилетело копье и ударило о стену под его ногами. Камни были горячими и шершавыми. Обдирая кожу с локтей и ладоней, он полз дальше. Донеслись мужские голоса, а затем голос принцессы:

– Это пират с рифов. Он похитил меня...

Глава 3

Гана, обойдя дворец по северному склону горы, достиг противоположной стороны острова. Здесь был расположен Туземный город; восточную часть занимал Королевский. Путник заснул под белым сандаловым деревом, когда небо уже начало светлеть и паутина Мэша над головой поблекла, а проснулся в полдень, после того как скользнувшая из кустов ящерица укусила его за палец. Гана поймал ее, разможил плоскую зеленую голову о камень и съел тощее тельце, жадно глотая, почти не пережевывая, влажное кисловатое мясо. Затем стал спускаться по заросшему пожухлой травой склону.

У берега тянулась обширная низина, в океане виднелись другие острова, большие и малые – лабиринт земли и камней, – и облачные протоки между ними. Со склона Гана разглядел, что большую часть города составляют хижины с тростниковыми крышами, стоящие как попало, и лишь в центре имеется квартал каменных построек белых людей и самых богатых туземцев – там уже было подобие улиц.

Город утопал в пыли и зное. Между кокосовыми рощами по склону вилась широкая дорога, ведущая к вершине, где посверкивал в лучах светила белоснежный дворец.

Со стороны Королевского города остров охраняли сторожевые башни, там стояли таможня и казармы небольшого военного флота Суладара, но здесь ничего такого не было. Ощущая сильную жажду, Гана миновал окраинные дома. За низкими изгородями под тентами и навесами, в гамаках или прямо на земле дремали туземцы. Был тот послеобеденный час, когда жара делалась невыносимой; в это время всякая жизнь замирала, чтобы пробудиться ближе к вечеру. На-Тропе-Войны шел, глядя по сторонам. На него никто не обращал внимания.

Он увидел старую туземку, что сидела прямо на земле возле своей хижины с плетеной бутылкой в руках, и направился к ней.

– Дай мне воды, – попросил Гана, приблизившись.

Туземка поглядела на него, тяжело встала и вошла внутрь, отведя циновку, которая заменяла дверь. Гана остался снаружи. Вскоре хозяйка вернулась с большим кувшином в руках и протянула его путнику. В кувшине оказалась тепловатая вода – На-Тропе-Войны пил долго и жадно, затем смочил лицо, стер грязь со щек.

Кивнув, он вернул кувшин. Вдруг хозяйка, уставившись на гостя, тихо охнула.

– Ловчий демонов... Безумец! – прошептала она, пятясь. Кувшин выпал из морщинистых рук, ударившись о землю, перевернулся. Потекла вода. Туземка отступала, а Гана молча глядел на нее. Она повернулась и нырнула в полумрак хижины. Еще некоторое время На-Тропе-Войны стоял перед проемом, но старуха больше не появлялась, изнутри не доносилось ни звука.

Гана пошел дальше, взбивая пыль босыми ступнями. Ему то и дело приходилось сворачивать, обходить хижины, перешагивать через низкие изгороди – здесь не было и подобия улиц. В Туземном городе обитали как островитяне, так и бледнолицые: ныряльщики, собирающие раковины-лодочки парусных моллюсков или некрупный жемчуг, который можно добыть на небольшой глубине, матросы с рыбацких эфиропланов или работники с плантаций, преступники, охотники и рыбаки.

Ближе к центру хижин стало меньше, их место заняли более основательные постройки из серого песчаника. Здесь уже жили хозяева кораблей, наемные капитаны, ловцы серапионов – из тех, что поуспешнее, – и владельцы торговых факторий.

Неподалеку находился дом Уги-Уги, туземного монарха. Не весь Суладар смирился с королевской властью, дальние южные острова были населены мелкими племенами синеккожих аборигенов, не слушавшихся никого, кроме своего вождя и шамана. Но большинство туземцев подчинились владычеству Ронов. Белые оставили часть власти Уги-Уги – он управлял запад-

ной стороной разделенного горой поселения, являлся судьей и сборщиком налогов, две трети которых должен был отдавать белому королю. В самом Да Морана (так назывался и остров, и раскинувшийся на нем город) стояла резиденция туземного монарха, а дворец его, жалкое подобие белоснежной громады Рона Суладарского, виднелся на небольшом острове Атуй, расположенном в четырех танг¹ от берега.

Оглядев покрытый ярко-синей штукатуркой особняк монарха, Гана пошел дальше. Он приближался к океанскому берегу – уже слышны были крики чаек. В конце улицы стояла фактория купеческих воителей, о принадлежности ее свидетельствовал герб над широкими дверями: выкрашенный серебряной краской деревянный щит с надписью «Длог&Дарейн» и рисунком, изображающим два обращенных друг к другу профиля. Один, с мясистым носом и выпуклым лбом, казалось, весь состоял из полукругов, у второго же скошенный нос будто продолжал линию лба, словно художник поставил себе цель изобразить его исключительно при помощи прямых линий и углов.

На-Тропе-Войны посмотрел в сторону горы и сверкающего здания на вершине. Он различил крошечные башенки, полоску стены, крыши и окна. Принцесса Гельта была где-то там...

Раздались шаги, хлопнула дверь, и Гана повернулся. По улице приближались шестеро мужчин, а из фактории вышла молодая темноволосая женщина. Задержавшись на пороге, она скользнула по Гане взглядом узких карих глаз, затем пошла дальше – и остановилась вновь, заметив воинственную внешность незнакомцев. Пятеро облаченных лишь в желтые шаровары чернокожих с Имаджины шли по сторонам дорожного человека... купца-воителя, как сразу решил Гана, ведь ему несколько раз доводилось грабить их торговые корабли. Купец был одет в длинный темно-красный плащ с капюшоном, под которым виднелись дорогой камзол с золотой вышивкой на воротнике, светлые штаны и легкие остроносые туфли. От жары голову защищала туаха – свернутое наподобие короткой трубы и зашитое сверху полотнище плотной белой ткани.

У наемников-имаджинов имелось оружие: огнестрелы необычной формы, напоминающие бумеранги, и кинжалы в ножнах.

– Это дочь Длога! – выкрикнул купец, увидев темноволосую женщину. – Взять! Тогда папаша станет сговорчивее...

Девушка повернулась, собираясь бежать, но двое наемников схватили ее за локти и потянули назад. Незнакомка чуть не упала, попятилась, и тут же один из чернокожих коротко выругался. На-Тропе-Войны не сразу понял, что произошло, разглядел лишь кровь, появившуюся на плече имаджина.

– Кинжал у нее отберите! – заголосил купец.

Пистолеты Ганы были разряжены, пороха у него не осталось. Он шагнул вперед и достал нож в тот самый миг, когда имаджин вырвал из рук плененной небольшой кортик. Раненый наотмашь ударил женщину ладонью по лицу, потом занес над ее головой кулак, и тогда Гана велел:

– Отпустите ее!

Шесть лиц повернулись к нему. Сжатая в кулак рука застыла над незнакомкой.

– Ты еще кто такой? – взвизгнул купец. Он развязал широкий пояс, и полы камзола распахнулись, показав двустольный огнестрел, висящий на тонком ремешке.

– Пират это, – произнес один из имаджинов. – Сразу видать.

¹ Танга – единица длины в Аквалоне. Название произошло от имени старшего из пяти живших в древности легендарных братьев-рыбаков, которые охотились при помощи багров. Старший был самым высоким, метал багор дальше всех и мог насмерть поразить даже гигантского кита-боллову. Младший был крошечным, размером с палец, и своим багром-иглой убивал мальков. Братьев звали: Тангаи, Остр, Тлогир, Лакоть и Атовик. В 1 танга 10 остов, в осте – 10 тлогов, в тлоге – 10 локтей, в локте – 10 атов.

– Из гаераков? – На лице толстяка возникла ненависть, которую испытывали все обитатели Купеческих Плотов к пиратским прайдам, ведь именно облачные колеса, на которых передвигались гаераки, были повинны в том, что флот купцов два долгих года не мог добраться до Суладара. – Нет, у тебя не такая кожа... Все равно – побыстрее убейте его, и закончим дело!

Когда наемник потянулся к оружию на боку, двери фактории распахнулись, и наружу вывалились пятеро людей: невысокий пожилой человек с ружьем, двое слуг-туземцев, вооруженные топориками, еще один белокожий – в длинном фартуке и со старой кривой саблей в руках – и толстая туземка, воинственно потрясающая мясницким тесаком.

Наемник, первым доставший пистолет и собравшийся выстрелить в Гану, повернул ствол к ним. На-Тропе-Войны метнул нож и попал в запястье поднятой руки – узкое лезвие пробило ее насквозь, конец вышел с другой стороны. Рука имаджина резко подалась в сторону, палец нажал на курок, и заряд дробы угодил в бок второго чернокожего. Тот замычал сквозь зубы, а в это время пожилой мужчина выкрикнул:

– Арлея, на землю!

Молодая женщина упала, и тут же слуги, опустившись на одно колено, метнули топоры. Судя по черным кудрявым волосам, они принадлежали к небольшому воинственному племени онолонки с острова Аи-Ои. Воины-онолонки были известны тем, что другим видам оружия предпочитали легкие топоры *пуу* с лезвиями из плавника акулы-серлепки. Мужчины этого племени никогда не попадали в рабство, предпочитая убить себя, а не медленно умирать на плантациях табака, льна или сахарного тростника. Для богачей Суладара считалось большой удачей заполучить кого-нибудь из них в охранники.

Выхватив второй нож, На-Тропе-Войны прыгнул к купцу, который уже достал свой огнестрел. В это время пуу, пролетев над упавшей женщиной, вонзились в наемников. Гана с размаху рубанул по голове в туaxe. За мгновение до удара купец подался назад, и лезвие пронеслось вскользь к заплывшему лицу. Толстяк захрипел и повалился с ног; кровь брызнула из дыры на месте отсеченного носа. Подхватив двустольный огнестрел, Гана ударил ногой под колено еще стоящего на ногах наемника. Сунул нож за пояс, поднял Арлею на ноги и отступил к дому, потянув ее за собой.

Толстяк хрипел и стонал, тяжело ворочаясь в пропитавшейся кровью пыли.

– Отпусти меня, – сказала девушка. Гана разжал руки, и она шагнула к пожилому мужчине. На-Тропе-Войны оглянулся: онолонки так и стояли на одном колене, толстая туземка потрясала тесаком, бормоча что-то неразборчивое. Как только он выпустил Арлею, толстуха бросилась к ней, схватила девушку за руку и потащила в дом.

– Убирайтесь! – громко произнес мужчина с длинноствольным огнестрелом. Вставший рядом с ним Гана поднял оружие, которое отобрал у купца, и прицелился в наемников. На ногах их осталось трое, один прижимал окровавленное запястье к животу. Те, в кого попали топоры, лежали неподвижно.

– И прихватите хозяина, – повелительно добавил мужчина.

Имаджины переглянулись, затем, подняв стонающего толстяка, повели его прочь. Когда они исчезли в конце улицы, белокожий повернулся к туземцам и сказал:

– Этих двоих заверните во что-нибудь и на телеге отвезите к рынку. Сбросьте в выгребные ямы, но только чтобы прокторы Уги-Уги не заметили. Можете взять себе их скальпы. А ты... – он повернулся к Гане. – Скажи-ка мне, откуда ты здесь взялся?

– Диш, он просто шел по улице, когда появились имаджины с купцом, – донеслось сзади, и все оглянулись на Арлею, стоящую в дверях дома. – Воитель приказал схватить меня, а он заступился.

– Вот как... – протянул мужчина и вновь посмотрел на Гану. – Ну что ж... Я должен поблагодарить тебя, парень? Меня зовут Диш Длог, я торговец. Это Арлея, моя дочь, а это, –

он указал на белого мужчину в длинном фартуке и с кривой саблей, – Краг, управляющий. Твое имя? Зайдем, выпьешь что-нибудь.

* * *

Вслед за хозяином торгового дома Гана вошел в просторную полутемную комнату. Стоял самый жаркий час дня, и все окна были прикрыты ставнями. Под дальней стеной На-Тропе-Войны увидел широкий стол и кресла, между окон высился шкаф с полками, заваленными листами пергамента, свитками и книгами в грубых кожаных переплетах. На стене висело оружие: кинжалы, церемониальный топор туземного шамана, пара перекрещенных двузубцев и несколько длинных духовых трубок, которые гаераки использовали, чтобы метать ядовитые колючки облачной лозы.

– Лили, принеси вина, – велел Диш, и толстая туземка, вошедшая в комнату следом, покинула ее через другую дверь, ведущую в глубину дома. Хозяин кивнул гостю на одно из кресел, но Гана не сел в него, а встал позади, положив руки на мягкую спинку, с любопытством осматриваясь: подобную мебель На-Тропе-Войны видел только пару раз в жизни, на ограбленных им кораблях купцов-воителей; преторианцы пользовались лишь грубо сколоченными табуретами и лавками, а на коралловых островах мебели у пиратов не было вовсе. Диш Длог уселся за стол, положив огнестрел перед собой. Наконец Гана смог хорошо разглядеть хозяина. Владельцу фактории, которая после войны купцов с прайдами гаераков превратилась в самостоятельный торговый дом, было около пятидесяти лет. Он выглядел крепким и много повидавшим мужчиной. От углов рта к подбородку тянулись две жесткие складки.

– Твое имя? – произнес Диш, в то время как его дочь остановилась у окна, посматривая на гостя.

– Гана, – ответил На-Тропе-Войны.

– Преторианец?

Помедлив, пират кивнул. Признание в том, что он преступник с коралловых островов, известный под прозвищем Красный Платок, могло навлечь на него гнев местных торговцев. На-Тропе-Войны знал, что туземный монарх Уги-Уги имел свою стражу, которую ему позволял держать король Суладарский. Стражники эти – их еще называли прокторами – не только охраняли хозяина, но и следили за порядком в Туземном городе. По закону они должны были ловить преступников и после суда либо отправлять на плантации или в тюрьмы, либо казнить, хотя на деле многие откупались от туземного монарха. Но к пиратам было иное отношение: если Уги-Уги узнает, что в его владениях объявился Красный Платок, то немедленно прикажет схватить его.

– Ты не местный. Где жил раньше, чем занимался? – спросил Диш.

Гана заметил, что хозяин все пристальнее вглядывается в его лицо.

– Жил на Салионе возле пролива Боранчи, – сказал На-Тропе-Войны, назвав один из самых крупных из островов Претории. – Собирал раковины парусных моллюсков и живой жемчуг. Иногда нанимался матросом на...

– Салион... – перебила Арлея. – Диш, это ведь тот самый остров, на который Тулага отправился, чтобы схватить королевского убийцу...

Когда дочь хозяина заговорила, Гана повернул к ней голову, и Диш Длог во все глаза уставился на него.

– Кто такой Тулага...

Гана не договорил. Стоящее позади стола кресло громко скрипнуло. Диш поднялся, схватив огнестрел.

– Ты – сын Безумца! – объявил он. – Пришел забрать деньги?!

– Нет, погоди... – начала Арлея. Ствол огнестрела дернулся вслед за Ганой, который, присев, скользнул вдоль стола. На-Тропе-Войны выпрямился, вскинув отобранный у купца двустольный пистолет. Они замерли: огнестрел хозяина почти касался груди гостя, а тот целился в лоб Диша Длога.

– Сын Безумца... – прошептала Арлея изумленно. – Ну конечно! Вот почему на улице мне казалось, что я уже видела...

– Я не понимаю, – сказал Гана. – Кто такие эти Безумец и Тулага?

Дверь раскрылась, в комнату шагнула туземка-повариха с подносом, на котором стояли плетеная бутылка, два стакана и тарелка с прозрачно-зелеными сочными ломтиками засахаренных перцерея. Увидев поднятое оружие, она, ни слова не говоря, подалась назад и исчезла в коридоре. Через несколько мгновений из глубины дома донесся ее голос, зовущий кого-то.

– Что бы там ни было, – произнес На-Тропе-Войны, – я ничего не знаю ни о каких деньгах и пришел сюда не за ними.

– Так для чего ты пришел? – спросил торговец.

– Опустите огнестрелы! – велела Арлея, делая шаг к ним. – Диш, может быть, это не он...

– Может быть? Приглядишься к его лицу сбоку, – ответил хозяин.

До сих пор Гана ни разу не видел свой профиль в зеркале. Хотя, конечно же, ему приходилось касаться лица, иногда ощупывать его... На-Тропе-Войны знал, что нос у него прямой и как бы продолжает линию лба, губы – тонкие и обычно крепко сжаты...

– Длог-Дарейн, – произнес он. – Вы двое изображены на щите у двери. Ты решил, что я...

В комнату ввалился управляющий Краг с саблей в руке. Должно быть, оба охранника-онолонки сейчас везли тела убитых наемников к городскому рынку, а иначе повариха наверняка позвала бы их.

– Что происходит? – спросил управляющий, делая шаг в сторону, чтобы позволить войти толстухе, вновь вооруженной своим тесаком.

– Арлея! – сказала та. – Мой девочка не ранен? Сюда, иди к Лили!

Качнув головой, дочь хозяина осталась стоять на месте. Диш Длог произнес:

– Краг, этот метис никого не напоминает тебе?

– Ну... – начал управляющий, мелкими шагами приближаясь к Гане.

– Приглядишься к его профилю.

Уже обойдя стол, управляющий остановился, выпучив глаза.

– Небесный Зев! – воскликнул он, опуская саблю. – Это же Тулага... Нет, не может быть. Слишком молодой. Его сын...

Лили пробормотала туземное проклятие и сделала жест левой рукой, коснувшись ладонью своих губ, а после быстро отмахнувшись, будто отгоняя древних островных демонов. Гана, искоса наблюдавший за происходящим и внимательно слушавший все, что говорится вокруг, наконец принял решение.

– Сейчас я уйду, – объявил он. – Краг, стой на месте, иначе я выстрелю в твоего хозяина. Диш Длог, не шевелись. Даже если ты первым нажмешь на курок, я услышу щелчок. Успею выстрелить.

Он попятился, не опуская пистолета, чьи стволы были по-прежнему направлены в голову торговца, боком дошел до двери и покинул здание фактории.

Глава 4

Дворец суладарского короля оставил Гельту де Алие равнодушной. Вся ее недолгая жизнь прошла в Большом Эрзаце, а после него мало какая из человеческих построек способна впечатлить. Но Экуни Рон понравился принцессе. В нем не было необузданной страстности и силы, как в дикаре-пирате, зато его утонченные манеры, вежливость и сдержанность пришлись по душе Гельте.

После того как пират уполз по коралловой стене, принцессу обступили дворцовые стражники. Вскоре прискакали несколько всадников и прибыл паланкин, который несли четверо здоровяков-туземцев. Рон распахнул дверцу и усадил невесту на затянутое зеленым бархатом сиденье.

– Теперь вы можете ничего не опасаться, – произнес принц, склоняясь над паланкином. – Все позади.

Этот человек внушал спокойствие своими уверенными манерами. Рядом с ним – тем более когда вокруг были еще и вооруженные слуги – девушка чувствовала себя в безопасности.

Лошади принца и Трэна Агори находились у склона под присмотром стражника. Носильщики осторожно подняли паланкин, и процессия двинулась по дороге, которая начиналась возле портовой администрации, а заканчивалась у ворот королевского дворца.

– Мы можем устроить облаву? – спросил принц.

– Только если попросим помощи Уги-Уги, – откликнулся Трэн. – Да и то...

Он смолк, и в конце концов Рон недовольно проворчал:

– Ну? Говори!

– Это же Суладар, – произнес капитан дворцовой стражи. – Острова и рифы. В порту Туземного города стоит множество лодок. Пират украдет какую-нибудь или раздобудет плавающий пояс и отправится на юг. Как мне искать его среди атоллов и лагун?

Рон нахмурился. Трэн Агори был единственным, кому он позволял разговаривать с собой в подобном тоне, но иногда наглая самоуверенность чернокожего уроженца Имаджины раздражала его.

– Невеста твоего хозяина была похищена, а ты не можешь наказать преступника? – холодно спросил он.

Капитан равнодушно пожал плечами.

– Теперь, когда начали прибывать корабли купцов и наши торговцы затевают свару с ними, в Туземном городе неразбериха. Мы можем попытаться, принц. Но вряд ли отыщем пирата, если он решил спрятаться.

– Пусть солдаты спустятся к Туземному городу, растянувшись цепью по северному и западному склонам. Они должны искать темноволосого юнца, одетого как дикарь. Если найдут – заковать и привести ко мне. Будет сопротивляться – убить.

Мускулистые туземцы легко несли паланкин. Когда Гельта отодвигала в сторону занавеску, то неизменно видела фигуру скачущего рядом Рона, а иногда – его гордый профиль. В конце концов, ощущая усталость после бессонной ночи и беспокойного утра, она легла на сиденье, поджав ноги, закрыла глаза. Приглушенно стучали копыта о камни, принц иногда о чем-то негромко переговаривался с другими всадниками. Пусть она пока знала этого человека совсем мало, Гельта решила, что он будет хорошим мужем.

Дома нянкой принцессы в течение множества лет была рыжекожая женщина по имени Ра. Она принадлежала к прайдам гаераков, моряки Эрзаца захватили Ра вместе с ее детьми во время одного из сражений с облачными колесами львиных людей. Львица – так называли женщин этого племени – стала не только нянкой, но и телохранительницей: в Эрзаце хватало тех, кто желал смерти наследницы повелителя. И первым среди них был сводный брат Гельты,

изгнанный из дворца Марич де Алие – отверженный, который жил где-то в Мусорных Садах, то есть в глубинных нижних кварталах плавучего города, служивших прибежищем самых отчаянных головорезов. Повелитель не опасался, что дикарка попытается убить его дочь, ведь пятеро детей Ра были разлучены с ней и могли умереть в любой момент, если их мать попытается причинить вред подопечной или сбежать. Львица была нянькой долгих девять лет, и Гельта очень привязалась к ней. Принцесса надеялась, что и Ра любит ее – настолько, насколько та, чей разум с рождения отравлен летучим ядом облачной лозы, вообще способна испытывать обычные чувства вроде привязанности, любви и прочих. Трижды нянька спасала ее жизнь: один раз во время бунта и дважды – когда брат подсылал своих убийц. Но теперь Ра осталась в Эрзаце. Как раз в то время, когда отец наконец договорился с Ронами Суладарскими и Гельту собрались отправить на архипелаг – осталось лишь дожидаться шержней, которые должны были вскоре прийти оттуда, – принцессу чуть не похитили. Это были люди с Тхая, чей владыка также был не прочь взять в жены наследницу Эрзаца. Когда-то отец Гельты даже вел переговоры с ним, хотя в конце концов решил отдать руку дочери Рону Суладарскому: союз с архипелагом показался ему более выгодным. И вот за два дня до отплытия несколько хорошо вооруженных бойцов попытались выкрасть принцессу. Среди них были как узкоглазые тхайцы, так и местные бандиты, которых наверняка прислал Марич де Алие. Большую часть перебила охрана; четверым нападавшим удалось ворваться в покои, где их встретила Ра. Женщина прикончила всех, но получила тяжелое ранение и потому не смогла отправиться в Суладар вместе Гельтой.

Принцесса привыкла, что Ра всегда где-то рядом, и в начале плавания чувствовала острое беспокойство из-за отсутствия няньки. И вот теперь, впервые с того дня, как покинула дом, она вновь ощутила себя в безопасности: своей почти надменной самоуверенностью Экуни внушал ей то же чувство, что и Ра.

В паланкине она так и не заснула по-настоящему, хотя впала в беспокойное забытие. Ей привиделся молодой красноглазый пират с окровавленным ножом в руках, а потом – убитые матросы со скайвы, которые, оставляя за собой багровые полосы, шли по облачным перекатам. Выходя из паланкина, Гельта чуть не потеряла сознание. Экуни Рон поспешно шагнул к ней, но лишь взял за плечи, а не поднял на руки. Это сделал чернокожий верзила, глава охраны, и Гельта, хотя и с трудом осознавала сейчас окружающее, удивилась. Неужели принц, при всей его самоуверенности, боится прикасаться к ней, боится близости?

Здоровяк легко поднялся по ступеням с принцессой на руках и передал ее трем служанкам-туземкам. Гельту раздели, помыли в теплой, пахнущей цветами воде и уложили на широкую кровать. Она заснула, а пробудилась под вечер, испуганная тем, что Ра нет рядом. Не сразу Гельта поняла, что теперь она далеко от Большого Эрзаца, в котором провела всю жизнь. Принцесса выпила кокосового сока из стоящего на столике возле кровати графина, заснула опять и на следующий день наконец почувствовала себя хорошо.

Для нее выделили два верхних этажа западной башни, высившейся над прочими постройками дворца. Ниже располагались помещения для приема гостей, библиотека, оружейная комната и у подножия столовый зал. Служанки внесли три сундука, пару больших и один маленький, затем фарфоровую ванну. Туземки наполнили ее водой, которую доставили в больших кувшинах. Гельта отослала их и все утро провела, сначала лежа в ванной, а после прихорашиваясь перед зеркалом, что висело у окна. В сундуках оказалась всевозможная одежда и обувь. В конце концов Гельта выбрала короткие светлые шаровары, едва достигающие середины икр, розовую рубашу, широкие рукава которой волнами ниспадали к узким манжетам, жакет из высветленной мягкой кожи серапиона и украшенные мелким перламутром туфельки.

Она только успела несколько раз повернуться перед зеркалом, чтобы рассмотреть себя со всех сторон, как раздался стук. Дверь приоткрылась, вошла, низко кланяясь, служанка. Исподлобья взглянув на Гельту и удостоверившись, что та одета, девушка попятилась и исчезла.

Некоторое время было тихо, дверь оставалась открытой. Принцесса присела на стоящую под стеной софу, и в этот миг появился Экуни Рон с деревянным футляром в руках.

– Вы хорошо спали? – спросил он, приближаясь.

Потупив глаза, Гельта кивнула.

Экуни остановился над ней, разглядывая принцессу, которая внимательно изучала свои колени. Ее волосы напоминали чистый, недавно выпавший снег. Лицо с мягкими чертами казалось немного сонным. Оно выглядело бы совсем невинным, как у маленькой девочки, если бы не пухлые губы – верхняя была немного вздернута, – которые придавали ему легкий оттенок капризности и, как отметил Экуни Рон, едва уловимой развратности.

– Ваше высочество, я приношу извинения за то, что произошло в дороге, – произнес принц. – Прискорбное происшествие...

– Но вам не за что извиняться, – возразила Гельта. – Ведь...

– Я послал пять кораблей, а надо было отправить больше.

– И оставить Суладар без охраны? Отец говорил, ваш военный флот не так уж и велик. К тому же это случилось из-за бури и того, что эскорт отстал, а не из-за его величины...

Они помолчали. Принцесса все также смотрела вниз, а стоящий перед софой Рон разглядывал ее.

– Что же, как бы там ни было, теперь все позади, – наконец сказал он. – Чтобы хоть в какой-то мере искупить лежащую на королевском доме Суладара вину, а также в знак восхищения вашей красотой позвольте подарить вам это...

Услышав щелчок, Гельта наконец подняла голову и, не сдержавшись, тихо ахнула. Она встала, изучая содержимое футляра, который принц держал в вытянутых руках. Лицо ее преобразилось, улыбка тронула полные губы.

– Наденьте, – предложил Рон.

Девушка взяла тяжелое ожерелье – гроздь разноцветных серапионовых глаз, похожих на виноградную кисть. Драгоценные шарики разной величины сверкали красными, синими и зелеными искрами; скрепляющая их золотая цепь напоминала гибкую лозу. На конце ее поблескивала застежка в виде кораблика. Держа ожерелье на растопыренных пальцах, Гельта долго и завороченно рассматривала драгоценность. Добыча глаз серапионов была опасным делом, которым занимались в основном ловчие Суладара и некоторые сорвиголовы из Претории. В других местах – на Бултагари, Гельштате, на Купеческих Плотах или Большом Эрзаце – подобное ожерелье стоило бы баснословную сумму. Но и здесь оно наверняка обошлось не меньше чем в тысячу тарпов. За такие деньги можно было бы купить небольшой остров.

– Наденьте, – повторил Экуни. Невеста так явно была восхищена подарком, что он немного снисходительно улыбнулся.

Глаза Гельты сияли, а грудь вздымалась больше обычного, когда она встала перед зеркалом. Рон шагнул к ней, и принцесса с легким смущением почувствовала, как его пальцы, взявшись за кораблик-застежку, коснулись шеи.

– Вы очень красивы, – произнес принц, отступая и скользя взглядом от шеи, на которой он только что застегнул ожерелье, по округлым плечам, спине и бедрам, скрытым легкой тканью шаровар, тонким икрам и миниатюрным ступням в поблескивающих перламутром туфлях-лодочках. У Экуни Рона было две любовницы – дочь дворцового распорядителя и туземка, сестра наместника, одного из тех, кто от имени короля управлял островами Суладара. Обе молоды и красивы... но сейчас принц осознал, что в сравнении с дочерью повелителя Эрзаца они выглядят как уличные булыжники рядом с бриллиантом чистейшей воды. Его охватила почти непреодолимая страсть, принц даже сделал шаг вперед, чтобы обнять невесту, поднять ее на руки и отнести к стоящей у стены роскошной постели, но сдержал себя. Он не какой-нибудь простолюдин, он – Экунион Рон Суладарский и отличается от простонародья тем, что

умеет управлять своими желаниями, подчинять чувства разуму. Сначала – свадьба, потом – постель.

– Не хотите ли осмотреть дворец? – спросил он, когда принцесса повернулась. – Я сам сопровожу вас.

Она помедлила, вновь опустив взгляд, и сказала:

– С радостью. Скоро я буду готова.

Рон кивнул, вышел из спальни и прикрыл за собой дверь. Оставшись одна, Гельта быстро подошла к постели, вытащила из-под подушки измятый красный платок и бросилась к окну. Распахнув его, встала коленями на подоконник, выглянула. Порыв теплого ветра приподнял ее волосы, и принцесса глубоко вздохнула, окидывая взглядом огромное пространство внизу. За склоном, поросшим сандаловыми деревьями и пальмами, виднелись крыши Туземного города, малые и большие эфиропланы в порту и пространство сверкающих облаков. С левой стороны склон пересекала облачная река, текущая по большой дуге от бухты Наконечника к горе. У бухты и располагалась туземная часть островного поселения. Дальше среди пуховых перекатов темнели пятна других островов, а по правую руку тянулась обширная низина – там раскинулись плантации и поместья богатых землевладельцев, за которыми начиналось Бескайское море, разделяющее архипелаг и Тхай. Принцессе показалось, что она даже различает серую полосу вдалеке, но островов Претории отсюда видно, конечно же, не было.

Гельта подалась вперед, увидела торчащую наискось под окном короткую железную трубу, одну из тех, что предназначались для флагов – ими дворец украшался в праздничные дни, – и крепко обвязала вокруг нее угол платка. Ветер подхватил красную ткань, та развернулась, заполоскалась в сильных порывах. Девушка провела ладонью по шершавой поверхности – дворец, как и стена, отгораживающая гору от порта, был сложен из больших глыб кораллового камня. Спрыгнув на пол, принцесса затворила окно, разгладила одежду и направилась к двери.

* * *

Экуни Рон ожидал ее в коридоре. В сопровождении служанки-туземки и чернокожего охранника они спустились во двор, окруженный дворцовыми постройками, прошли вдоль стены, посетили небольшое святилище канструктианской церкви, где перед алтарем в виде Зева – каменной воронки, украшенной белыми изразцами, – молился священник. Заглянули в конюшню и на арену. Там Трэн Агори наблюдал за тем, как несколько молодых стражников учатся обращаться с саблями. Самое большое впечатление на принцессу произвели конюшни: до сих пор она видела лошадей лишь на картинках, да еще когда ее спасли от пирата, но тогда она слишком плохо чувствовала себя и мало что запомнила.

В поведении принца по отношению к ней присутствовало что-то покровительственное, почти отеческое, хотя разница между ними составляла меньше десяти лет. Заметив, с каким любопытством и опаской Гельта рассматривает стоящих в стойлах скакунов, Экуни сказал:

– Я подарю вам лошадку. Небольшую, здесь их называют пони. Теперь идемте, вас хотела видеть королева.

Покои владычицы Суладара располагались в большом здании возле башни, где поселили гостью. Эола встретила их в зале с разноцветными витражами; седовласая старуха, даже облаченная в пышные одежды, казалась едва заметной на огромном тяжелом троне из красного дерева. Он стоял на устланном коврами возвышении в центре зала.

Принц поклонился и открыл было рот, чтобы представить принцессу, но королева заговорила первой – резкий каркающий голос донесся из кучи парчи и шелка:

– Это она? Подойди ближе! Эй, ближе! – Эола беспокойно заворочалась, приподнялась и повелительно замахала сморщенной лапкой, украшенной многочисленными золотыми брасле-

тами и кольцами. Гельта несмело приблизилась к возвышению, а королева прокричала, будто гостя стояла где-то далеко: – Ближе, что же ты медлишь?

Когда принцесса встала прямо перед ней, Эола ухватила ее за подбородок, повернула голову, рассматривая гостью белесыми, будто выцветшими глазами. Сверкание драгоценностей, что усеивали широкий золотой круг на седой голове, ослепило Гельту. Рон молча стоял позади.

– Сестричка! – вдруг продребезжала королева. – Слышишь, Экуни, Эк, мальчик мой! У тебя могла быть такая же младшая сестричка, если бы негодяи не убили твоего отца. Красивая девочка, ты решил жениться на ней? Король был бы не против, нет... Рон, он никогда... – Эола забормотала что-то неразборчивое, вдруг всхлипнула и оттолкнула растерянную Гельту.

– Королева несколько не в себе с тех самых пор, как умер отец, – произнес Экуни, выводя ее из зала. – Уже много лет... Вы устали? Я отведу вас в ваши покои.

Вновь оказавшись в спальне, Гельта сняла ожерелье, еще немного полюбовалась на него, спрятала в оставленный принцем футляр, а футляр положила в сундук. Переодевшись, она открыла окно, выглянула: красный платок полоскался на ветру. Принцесса прилегла на постель и замерла, бездумно уставившись в высокий потолок. До ее свадьбы оставалось совсем немного.

Глава 5

На другой стороне улицы показались четверо высоких молодых туземцев с ножами и короткими дубинками в руках, одетые чуть лучше большинства островитян: помимо штанов, на них были еще и жилеты. Бритую голову каждого опоясывала кожаная лента, спереди на которой был вышит треугольник. Его стороны образовывали рапира, меч и ружье – знак принадлежности к прокторам, туземным служителям закона. Прокторы подчинялись Уги-Уги и вооружены были не так хорошо, как, допустим, дворцовая охрана или стражники из порта в Королевском городе: огнестрелов им никто и не думал давать.

Возможно, это и спасло Гану. Это, и еще то, что умом прокторы не блистали: вместо того чтобы просто идти по улице, а поравнявшись с преступником, наброситься и скрутить, они издали замахали руками и завопили угрожающе. Потом ринулись вперед, но к тому времени На-Тропе-Войны решил, что убивать слуг туземного монарха днем, посреди улицы, на глазах у начавших появляться после дневной жары горожан не стоит. Он побежал прочь.

Прошло некоторое время после того, как беглец покинул негостеприимный дом торговца Диша Длога. Скорее всего, сам владелец фактории и натравил на него прокторов. Гана свернул, перепрыгнув через невысокую ограду, чуть не наступил на прикованного возле конуры пса, пытаясь избежать длинных зубов, вскочил на крышу конуры, с нее – на ветви дерева, а потом на покатую тростниковую крышу туземной хижины. Она, конечно же, провалилась под беглецом, но в доме никого не оказалось, никто не попытался задержать его и не поднял крик. Прокатившись по земляному полу, На-Тропе-Войны выпал через завешанный старой мешковиной проем, поднялся и помчался дальше.

Впереди были причалы. Топот ног, несколько мгновений назад стихший, зазвучал вновь: прокторы наконец сообразили, куда подевался преступник, и устремились за ним. Останавливаться и пытаться объяснять им что-либо не имело ни малейшего смысла: белому, да к тому же богатому торговцу поверят скорее, чем пришлому метису... которому вообще никто не поверит, что бы он ни говорил. Гана опасался прокторов и по другой причине: Рон Суладарский мог связаться с туземным монархом и описать внешность того, кто похитил Гельту де Алие.

С невысокого пригорка открылась бухта, треугольником вдающаяся в остров. Узкая ее часть, от которой к горе и текла река, называлась мелкооблачьем – там виднелись деревца и верхушки выступающих над эфирными перекатами камней. Между невысоким косогором, где очутился беглец, и северным берегом Наконечника тянулась земляная дорога, вдоль нее росли кусты и редкие деревья. По дороге ехало несколько телег. Дальше были склады, лодочные дома, выходившие прямо в облака, настилы и причалы, а еще дальше среди пуховых перекатов стояли эфиропланы. Теплый ветер подул в лицо Гане, развевая волосы. Он подался вперед, собираясь прыгнуть с косогора, и тут дубинка, которую швырнул один из преследователей, ударила в плечо.

На-Тропе-Войны развернуло вокруг оси, он упал на бок на самом краю. Прокторы были в нескольких шагах позади, бежали со всех ног, вздымая облако пыли. Упираясь в землю локтем, Гана выдернул из-за ремня двустольный пистолет купца и выстрелил в грудь одного из преследователей, после чего, чуть сместив кисть, нажал на второй курок. Но после первого выстрела, как только раненый с воплем схватился за грудь, остальные попадали в пыль – следующая пуля пролетела у них над головами. И все равно это дало беглецу несколько лишних мгновений; сунув пистолет за пояс, он подался назад и покатился с косогора.

Он упал в кусты, что росли на краю дороги. Сразу же вскочил, развернулся и побежал.

Пролетев передпряженными в телегу лошадьми, слыша позади вопли преследователей, Гана перепрыгнул через кусты на другой стороне дороги, миновал амбар, потом огороженный участок со сложенными на нем остовами пришедших в негодность джиг и очутился

в порту. Мимо шли люди, бледнолицые и туземцы, один катил тележку с рыбой, другой нес на плече кривую палку с сетчатым садком на конце. Гана промчался мимо склада, в распахнутых воротах которого виднелись весы и толстый белокожий в фартуке скупал улов у туземцев, стоящих длинной очередью. Потом впереди показалось святилище – приземистое здание с прямой крышей, из центра которой торчало нечто вроде расширяющейся кверху раковины или воронки из досок, обмазанных толстым слоем глины и выкрашенных в белый цвет. Сквозь открытые двери доносился нестройный хор голосов. Беглец оглянулся и нырнул внутрь. Пробравшись вдоль стены, опустился на колени, склонил голову и стал неотличим от почти двух десятков людей, находившихся в помещении.

Сквозь отверстие в потолке, над которым была воронка, падали лучи светила. В столбе света, спиной к высокому витражу, стоял с закрытыми глазами священник-канструктианец и декламировал нараспев, используя как обычный, так и церковный языки:

– Была Великая Канструкта сложна и страшна, и висела Она в центре того, где ни света, ни тьмы, ни тепла, ни хлада – среди вечного Канона висела она, среди застывшего движения пребывала. И молвила: о Всевластный Канон, скучно мне, ведь нет ничего – ни во мне, ни вовне, нет ни света, ни хлада, ни тепла, ни тьмы, лишь ты один вокруг меня. Тогда прикоснулся он к Канструкте, вошел в нее семенем пустоты, и родила она *Mundus Caelorum*, и низвергла его в пучину *Kavarga*, и еще родила *Mundus Aquarum*, и вознесла его в вечный поток *Absuliarnost*, и еще родила *Mundus Ignium*, и ниспослала его в горизонт *Limen Rerum*, за Порог Вещей, в *Nec Plus Ultra* – Дальше Некуда... И назывался *Mundus Caelorum* – Мир Небес – Аквалон, и был брат у него, длинношей Кавачи...

На сложенном из разноцветных стекол витраже позади священника было изображено, как Канструкта, напоминающая распухшую рыбу с человеческими чертами и короткими ручками вместо плавников, извергает мир: из круглой воронки рта вылетало нечто, напоминающее поросшую мхом лесов чечевицу. Священник запел, медленно кружась в световой колонне. «Вниз, вниз...» – услышал Гана слова молитвы, и прихожане подхватили их. На-Тропе-Войны слегка приподнял голову, оглянулся на дверь, затем окинул взглядом собравшихся в святилище. Туземцев здесь почти не было – проповедникам из Гроша и Бултагари нечасто удавалось обратить их в свою веру, – зато хватало белых и метисов. Две трети молящихся составляли женщины, присутствовали и несколько детей.

– И желает Канструкта пожрать чад своих... – пел священник на староканструктианском. – Вниз, вниз, Аквалон, прочь от Нее, божественной матери Твоей!

Всем известно: преторианцы не верят ни во что. На Таитах проповеди заезжих священников вызывали у Ганы лишь скуку и раздражение. Подождав еще немного, он стал медленно отползать, и тут сзади раздался визг.

Грохнула упавшая под стеной лавка, кто-то вскрикнул, кто-то побежал... Повернувшись, Гана увидел тощего человека, который ворвался в помещение, подняв над головой мешочек. Из горловины торчал горящий фитиль.

– Живой монах! – взвизгнула женщина рядом.

Впавший во время молитвы в транс священник последним осознал, что происходит. Люди уже валили наружу через двери или пытались, проламывая запертые ставни, выпрыгнуть в окна; тощий человек со взрывчаткой в руках бежал, расталкивая орущих женщин, к витражам, а канструктианец только-только прекратил кружиться и удивленно поднял голову.

В помещении и так было не слишком много народа, а теперь не осталось почти никого. На-Тропе-Войны быстро пошел вдоль стены к выходу. Священник что-то сказал, потом вдруг резким движением распахнул полы своего одеяния. На поясе с левой стороны блеснул огнестрел в кобуре. Дальше Гана не смотрел – успев заметить, что торчащий из мешочка фитиль почти догорел, он вывалился на улицу и побежал в тот миг, когда раздался выстрел. Еще через

несколько мгновений, когда На-Тропе-Войны достиг уже соседнего дома, за которым прятались испуганные люди, сзади гроыхнуло.

Взрыв был несильным, стены святилища устояли, хотя крыша вместе с божественным зевом провалилась, погребя под собой и канструктианца, и монаха. Впрочем, преступник мог принадлежать не к ордену Живой Мечты, но к так называемым отцеубийцам – запрещенному законом братству внутри церкви *Congressionis*, второй из двух ветвей канструктианства, отпавшей от него и потерявшей право именоваться собственно канструктианской. Церковный раскол стал в свое время причиной войны между Бултагари и Гельштатом, а на Да Морана привел к ночи Острых Ножей, когда за непродолжительное время было вырезано около трети населения острова.

Высочившие из святилища люди взволнованно переговаривались, причитала какая-то старуха, плакал ребенок. Кто-то уже побежал за прокторами, и Гана поспешил покинуть это место.

* * *

Пахло рыбой и пропитывающей емкости эфиропланов смолой. Громкие голоса звучали со всех сторон, жужжали мухи, скрипели снасти, кто-то бранился. На-Тропе-Войны миновал несколько полных облачного пуха канав с круглыми ямами в конце – отстойниками для питьевой воды – и достиг небольшой шумной толкучки, над которой кружились стаи мух. Поодаль стояли двое прокторов, и он нырнул в толпу. Гул голосов висел в жарком воздухе. Компания полуголых синеккожих мальчишек обступила беглеца, дергая за штаны, хватая за руки и предлагая купить фантомных креветок. Эти белесые, согнутые вопросительным знаком создания, нанизанные сейчас на длинные хворостины, в сыром виде были сгустками пуха, организованными чуть лучше, чем обычные частицы облачного эфира. Своеобразное устройство, природное явление – как приливы, отливы, миграция блуждающих островов, течения и смена листьев на деревьях, – они были неразумным законом природы или, возможно, ее естественным механизмом для поддержания чистоты: питались сором, упавшей в облака листвой, крупинками грязи, частицами, когда-то бывшими живой плотью, а еще могли, собравшись в небольшие облачка, растворять и переваривать облачных мотыльков и мелких нетопырей.

Гана прогнал мальчишек, и тут же какая-то старуха закричала ему в ухо – На-Тропе-Войны не сразу разобрал слова, но вскоре выяснилось, что она предлагает посетить заведение для веселых матросов, где гостя ждут не дожудтся несколько очень молодых, но весьма опытных островитянок, а также метисок, бледнолицых, жительниц Гроша и даже чернокожих женщин с Имаджины. Старуха цеплялась за плечи Ганы и все никак не отпускала, мальчишки вновь повисли на нем, тараторя что-то, вокруг все орали, двигались, скрипели переносные лотки, звенели монеты, булькало в деревянных чашках дешевое вино, продаваемое в розлив из стоящих на земле бочонков... В конце концов Гана оттолкнул старуху, отвесил подзатыльник самому настойчивому мальчишке, второго ткнул ладонью в лоб и под возмущенные вопли выбрался из толкучки с той стороны, где по земле шел настил из длинных досок.

Он оглянулся. Прокторов отсюда видно не было, хотя в порту беглец постоянно рисковал наткнуться на них: подобные места привлекают всех, кто привык жить воровством, разбоем и обманом, – а значит, и служителям туземного монарха здесь есть с кого поживиться.

На-Тропе-Войны пошел по краю настила, глядя то вправо, на портовые здания, то влево, на облака. Вскоре между джигами, коршнями и рыбацкими розалиндами он увидел редкий в этих местах айклит: быстроходный шлюп с Имаджины, остроносый, с наклоненной назад мачтой и парой косых горспригов – горизонтальными киями, торчащими по бокам из борта, словно плавники рыбы. Все эфиропланы строились из деревьев, чья древесина легче эфирного пуха, – но таких, не считая облачной лозы, в Аквалоне насчитывалось всего три вида, и один,

именуемый краснодревом, рос только на Прадеше, где его было крайне трудно добыть. Потому эфиропланы, предназначенные для поднятия грузов больше определенного веса, снабжались надувными емкостями, которые моряки именовали кулями. Яхты и скайвы богачей плавали на кулях из трехслойного крученого шелка, а для военных кораблей, рыбаков и транспортников использовалась ткань попроще и поглубже, пропитанная каучуковой смолой.

Сеть черных канатов стягивала куль имаджинского айклита. Треугольная палуба с идущими книзу вертикальными бортами покоилась на нем, будто на лежащем гигантском яйце. Укрепленные железными полосами борта больше чем до половины скрывали емкость, нижняя ее часть была погружена в облака – куль, таким образом, оставался скрытым от взгляда. Лишь иногда поднятая плывущим в бухте эфиропланом облачная волна прокатывалась вдоль борта, на мгновение открывая небольшие участки блестящей от масла жесткой ткани.

Гана ненадолго остановился, с любопытством разглядывая четверых босоногих матросов – не то уроженцев Имаджины, не то загоревших до черноты, – которые стояли возле сходней и о чем-то переговаривались, иногда принимаясь громко хохотать. Кричали чайки; теплый ветер, дувший с океана, гнал по бухте частые мелкие волны, отрывал от их верхушек тончайшие волокна или мелкие хлопья пуха и нес по воздуху, словно клочья пены, бросал на причалы. В эфирном пухе хватало влаги, и воздух был наполнен ею.

На-Тропе-Войны прошел мимо построенного из толстых бревен здания портовой администрации, под которым на земле сидели лодочники, и вновь ненадолго остановился, наблюдая за погрузкой шлюпа; почти голые туземцы избегали по сходням, неся на плечах здоровенные тюки, ящики и даже бочки, за ними надзирал пиратского вида белокожий усатый капитан в штанах, треуголке и с пистолетом, торчащим из-за цветастого пояса.

Раздались взволнованные голоса, люди стали показывать пальцами, Гана повернулся: в глубине бухты проплывал коршень под рыжим парусом. Из широкой трубы в задней части валили клубы пара, два широких гребных колеса поворачивались вдоль бортов, отчего эфирная поверхность бурлила и пенилась. Всех заболевших серапией поселяли на Гвалте, самом дальнем острове архипелага – принадлежащий королю коршень как раз и перевозил больных туда. Поговаривали, впрочем, что некоторые торговцы тайно скупают *укушенных* и продают в рабство на Имаджину. На-Тропе-Войны проводил взглядом корабль, над высоким фальшбортом которого торчали прутья решетки, и пошел дальше.

Ему все больше хотелось есть. Наконец голод стал почти невыносим, и На-Тропе-Войны решил, что следует продать два пистолета, оставив себе лишь отобранный у купца. Огнестрельное оружие на Суладаре стоило дорого, далеко не каждый мог позволить себе даже обычный пистолет. К тому же белые старались, чтобы оно не попадало в руки туземцев. Существовал закон, по которому синекотий мог пользоваться им, только если состоял на службе у туземного монарха... и несмотря на это, прокторы все равно ходили без огнестрелов.

Гана сошел с настила, чтобы найти среди портовых построек лавку скупщика или оружейную мастерскую. Мимо причалов как раз ехала небольшая двуколка, запряженная низкорослой лошастью. Вдруг раздался окрик, лошадь, всхрапнув, остановилась, и сидевшая в двуколке темноволосая женщина, приподнявшись, окликнула его:

– Эй, ты! Погоди, метис!

* * *

– Я не причиню тебе вреда, – сказала дочь хозяина торговой фактории «Д&Д», опуская поводья.

– Вреда? – На-Тропе-Войны оглядел ее и сказал: – Ладно. Я тоже не причиню тебе вреда. Арлея с едва заметным смущением произнесла:

– Я искала тебя. Ты и вправду очень... ну да, думаю, ты его сын. Слишком похож, чтобы...

– Сын Безумца, – сказал Гана. – И еще я слышал имя: Тулага. Кто это?

– Человек, который умер много лет назад. Послушай, тебе нельзя ходить вот так, в открытую. Диш рассказал о тебе прокторам, дал им пару монет – теперь они станут искать тебя.

– Уже ищут, – откликнулся он. – Но торговец, наверное, дал им слишком мало. Они не очень стараются.

Опустив ноги на землю, Арлея присела на край двуколки.

– Кажется, ты совсем без денег? Я... у меня тоже почти нет, но я могу дать тебе несколько серебряных монет. Если Диш...

– Почему ты называешь его Дишем? – перебил Гана. – Почему не отцом?

– Я не родная дочь, – сказала девушка. – Он женился на моей матери, когда мне не было и года. Позже мать умерла.

– Ясно. Я не буду брать твои деньги, но ты можешь купить мне еды, – сказал На-Тропе-Войны. – И рассказать, кем был мой отец.

– Хорошо, садись. Нет-нет! – повысила голос Арлея, когда Гана пристально глянул на нее, а ладонь его легла на рукоять огнестрела. – Я не сдам тебя прокторам, и вообще... Я чувствую себя виноватой. Диш жаден, и он поступил бесчестно, тебя нельзя было выгонять... – Она замолчала, когда неподалеку показались трое туземцев с кожаными полосками на бритых головах.

– Залезай, – быстро сказала Арлея. – Они выглядывают пешего и не обратят внимание на тех, кто едет в двуколке.

* * *

Под обширным низким навесом царил прохладная полутьма. За грубо сколоченными столами, почти касаясь макушками крыши, сидели матросы, грузчики и рыбаки. Они пили кокосовый сидр и тростниковую водку, *тростниковку*, – крепкий напиток из перебродившей патоки сахарного тростника, – закусывая все это немудреной снедью. Пища готовилась тут же; на очаге, выложенных кругом камнях с ямой посередине, полной углей, лежал железный лист, где жарилась рыба. Хозяином заведения был туземец, хорошо знавший Диша Длога и его дочь. Он усадил Арлею с Ганой отдельно, возле ограды, куда голоса завсегдатаев, пьяный смех и стук игральные кости почти не доносились.

Гана сразу же набросился на еду, а девушка молча разглядывала его. Этот юноша, имевший грубоватую дикарскую внешность, с разноцветными глазами, шрамами и нечесаными патлами темных волос, немного пугал дочь торговца. Наверняка он приплыл откуда-то издалека, быть может, с одного из южных островов Суладара или даже из Претории... ну да, вспомнила Арлея, он же сказал тогда: Салион, Боранчи... Скорее всего, это бандит, пират или мародер! После второй купеческой войны в Преторианских Таитах остались разоренные острова, по которым прошла эпидемия пуховой лихорадки. До сих пор там никто не жил – их-то и посещали в своих странствиях мародеры. Вот в чем дело, вот откуда все эти шрамы от холодного оружия и следы пулевых ранений... Арлея решила, что они примерно одного возраста, быть может, она даже немного старше... Да, все совпадало.

– Тулага, – произнес он, поев. – Или Безумец? Говори.

– Еще его называли ловчим демонов... – откликнулась девушка.

Гана взял со стола кувшин, не пытаясь воспользоваться стаканом, отпил сидр из горлышка и спросил:

– Так он на серапионов охотился?

– Нет. Демонами раньше называли беглых каторжан, совсем озверевших, которым уже было нечего терять. Тап Тулага Дарейн ловил их и притаскивал обратно – конечно, за плату. Еще всяких бандитов, за которых была назначена награда... И рабов. В те времена было раб-

ство. То есть оно и сейчас есть, но уже незаконное. Ты знаешь про это? Если в портовом трактире к тебе подсядет незнакомый человек и предложит...

– Да, – перебил Гана. – Я слышал. На дальних островах бледнолицые на тростниковку меняют у вождей туземцев, напаивают, дают подписать договор... Потом те попадают на плантации или прииски.

– И кто говорил тебе про это? – спросила Арлея. – Где ты жил раньше?

– На Кораллах... – Гана неопределенно махнул рукой и напомнил: – Безумец. Почему его так называли? Расскажи все.

– Всего я не знаю, – возразила девушка. – Ведь это произошло, когда я только-только родилась. Мне говорили, что Безумец был компаньоном Диша, а после сошел с ума и устроил в городе бойню. Какая-то жуткая история произошла в тот вечер... После этого и началась ночь Острых Ножей. Это все, что я знаю, понимаешь? Еще то, что, перед тем как обезуметь, он посетил Преторию – хотя для чего ездил туда, Диш не рассказывал никогда. Прости... Тулагамладший, больше мне нечего сказать. Может быть, старики... Ведь в Туземном городе наверняка есть люди, которые помнят те времена. Просто я никогда особо не интересовалась всем этим. А портрет Дарейна до сих пор лежит на полке в шкафу Диша, вот почему я тоже узнала тебя.

– Прокторы подчиняются только Уги-Уги? – спросил Гана.

Девушка удивленно взглянула на него.

– Да.

– Монарх и бледнолицые из Туземного города... какие у них отношения?

– Ну... он правит ими. Рон Суладарский дал Уги-Уги право распоряжаться на этой половине острова.

– Значит, он может посадить кого-то в тюрьму или освободить? Хорошо.

– Но все равно все важные случаи рассматривает Рон. Ты собираешься просить справедливости у монарха? Это бессмысленно! Уги-Уги – хитрый и жадный. За справедливостью скорее стоит идти к белому королю, но...

– Я ничего не буду просить. – Поднявшись, На-Тропе-Войны окинул взглядом пустые миски на столе. – Благодарю. Я найду, у кого узнать остальное. – Он повернулся, чтобы идти, но Арлея вдруг ухватила его за руку и потянула.

– Подожди! Давай пойдем к Дишу. Хотя он... Но, может, мне удастся уговорить его? Даже если он не захочет делиться с тобой прибылью, он может дать тебе место в магазине или приказать одному из своих капитанов взять тебя в команду...

Гана высвободил запястье из ее пальцев и ответил:

– Я мало что понимаю пока, но выходит, у моего отца водились деньги?

– Может, он не был так уж богат, хотя... – начала Арлея.

– А ты говоришь мне: проси купца, иди продавцом в магазин или матросом на его корабль... Нет. Я вскоре узнаю все, что хочу узнать. Тогда решу, как мне поступить дальше. После этого мы, возможно, еще увидимся, но пока не ищи меня больше.

– Но... Послушай, ты запомнил, где стоит наш дом? Позади него, на соседней улице, живет Утланки Бол, бывший ловец серапионов. Он постоянно пропадает в порту, а живет один и даже не держит собаку. Если тебе понадобится помощь, Тулага, если ты... Можешь спрятаться у нас. Но осторожно, чтобы никто не заметил. Пройди через двор Утланки, увидишь изгородь, которая разделяет его двор и наш. Она вся заросла иргой, которую посадила еще моя мать, но в левом углу есть прореха. Под листьями ее не видно. О ней не знает никто, только я в детстве лазала... Если пролезешь там – очутишься позади нашей конюшни. В стороне стоит склад, рядом – старый сарай. Им уже давно никто не пользуется, Диш все собирался снести его и построить что-то новое, но руки не доходят... Можешь забраться на чердак, там сеновал, спрятаться. Или постучи в мое окно – оно третье слева. Третье, запомнишь?

Арлея не повернулась, когда он ушел; через несколько мгновений шаги смолкли, и девушка осталась одна. Она была растеряна и расстроена.

Глава 6

В подзорную трубу с треснувшей линзой Гана разглядел узкое красное пятно, что извивалось на ветру под окошком западной башни королевского дворца. Он повел трубой вниз, считая этажи, затем оглянулся на сидящего рядом старика.

– Речка начинается от Наконечника и заканчивается под самым дворцом?

– Оно и есть... – откликнулся бывший капитан королевского флота, седой узкоглазый тхаец, чья пышная белая шевелюра контрастировала с такой же, как у Ганы, кожей цвета кофе с молоком. На лбу Капитана – старик сам попросил так его называть – виднелась татуировка в виде якоря с прикованным к нему серапионом. – Течет от бухты через ущелье под гору... там в дырку какую-то ныряет, что ли? Отдай, отдай трубу-то, малец, дорога она мне!

На-Тропе-Войны вернул подзорную трубу, и старик сунул ее в потертый кожаный чехол на ремне. Одет он был в рваный камзол и мешковатые штаны, ноги оставались босы. Сидя на стволе поваленного бурей дерева, Капитан сжимал тыквенную фляжку; из горлышка несло ядреным запахом тростниковой водки.

Они находились возле бухты, на краю Туземного города. Дальше начинались причалы, где мелькали силуэты людей, но здесь никого не было. Бухта треугольником вдавалась в берег, от нее текла короткая речка – по дуге до середины острова, через узкое ущелье в пологом склоне горы, под которую она в конце концов и ныряла.

– Давно тут живу... – Капитан показал заросшим седой щетиной подбородком в сторону покосившейся хижины среди деревьев. – Свое отплавал старый Терай Чиг. Сорок лет на облаках... Теперь пенсию король платит, а как же. Мало, но на это, – он тряхнул фляжкой, – хватает. А ты не местный, малец?

Капитан отхлебнул и стал заваливаться на бок, но Гана поддержал его за плечо.

– Тулага, – произнес он, и глаза старика, начавшие уже медленно закрываться, приоткрылись. – Его еще называли Безумцем. Кто он?

– Ловчий демонов... – протянул Капитан. – Он же помер давно! Убили.

– Он охотился на каторжан?

– Ага, ловил их, всяких... беглых. – Капитан медленно сполз задом со ствола, уселся, подобрав ноги и прижавшись к дереву спиной. – Тап Тулага Дарейн, во. Тоший Тап – он высокий был да худой. С торговцем одним связался, богатеть начал, но старое дело не бросил. Уплыл в Преторию зачем-то, потом вернулся... Говорили, он погнался за тем, кто старого короля ранил до смерти. Гаерак, что ли? Тот на короля это... покушался, во! Старик помучился немного, да и помер. А Тапа наняла не то сама королева, не то сынок ихний, принц нынешний, чтоб он убийцу изловил. Он же ловчий знатный был, про него тогда все слыхали... Тап на Преторию за убийцей поплыл, и там вроде его колючкой подранили, не сильно, канешна, если б сильно – сразу помер бы. Не, чуток токмо... Но яд лозы все одно в кровь попал. Дарейн гаерака изловил, убил его, а как сюда вернулся со скальпом, обезумел вскорости. Схватил пистолы, ножи свои, саблю и давай вечером по городу бегать. «Демоны! Демоны!» – кричал. Кого увидит – убьет. Забрел в порт, там как раз розалинда с рыбаками приплыла... все синекотье, с островов... Он на них набросился – полкоманды вырезал или пострелял, да грузчиков еще... Уги-Уги как раз здесь был, он еще и монархом не сделался, папашка евоный еще жив был. Послал стражников. Но Тап к тому времени уже до общины, где эти... из братства отцеубийцы жили – к ним прибежал и давай резать их. Отцеубийцы, ну эти, ратники... *сближенцы* которые – они раньше здесь жили. Молодые все, юнцы с девками. Дарейн их многих покромил тогда, а после прокторы Уги-Уги на него облаву устроили, загнали в рощу на склоне, окружили. Убили там. Из-за яда он такой... нечувствительный стал, ну как гаерак все одно. В тот вечер, говорят, он более полсотни душ загубил, пока его самого не... Во как! Местные Тулагу до сих

пор помнят. Сказки уже про него... теперь у них выходит, вроде он сам – демон, хозяин острова. Понимаешь? Демон, вылез из-под земли, чтоб всех наказать, кто на его земле без спросу поселился... А отцеубийцы, кто в живых остался, после того пропали неведомо куда. Все из своей общины исчезли той ночью, до сей поры об них ни слуху ни духу.

Капитан замолчал, вновь приложившись к бутылки, закрыл глаза.

– Дай поспать, малец, – пробормотал он. – Прямо тут и лягу... Тока ты трубу мою не укради, прошу... Дорога она мне... столько лет...

– Подожди, не засыпай! – Гана ударил его кулаком в плечо. – Эй, Капитан! Уги-Уги сейчас где, ты знаешь? Он на своем острове во дворце или в городе?

– А ты в порту глянь. Ежели ладья его стоит, значит, здесь. Ладья у него с морским демоном на носу. А нет ее – так, значит, на Атуе жирный.

– Хорошо. Скажи еще, где мне пистолеты тут продать можно? Слышишь? Деньги нужны, я хочу продать огнестрелы. Где?

– Пистолы... – Правый глаз старика приоткрылся. – А в лавку к Младшему иди. Вэй Младший, он на берегу, он там, недалеко... – Рука с флягой приподнялась, палец показал направление.

* * *

Прошло много лет, но Гана узнал эту лавку. На мгновение даже показалось, что прошлое вернулось: обрюзгший туземец, что стоял за прилавком, был, конечно, моложе Толстого Вэя, но очень похож на него.

Из разговора выяснилось, что это не сын, а младший брат того, кого Гана когда-то отправил к праотцам. Двустольный пистолет купца На-Тропе-Войны оставил себе – слишком уж хорошее и редкое в Суладаре оружие, такое умеют делать лишь оружейники восточных земель, – а вот два огнестрела, которые были с ним еще на Кораллах, продал. В магазине Вэя имелись всевозможные товары, и Гана купил новую одежду, а после долго стоял перед сбитым из досок щитом, на котором висело холодное оружие. В конце концов он выбрал пару очень крепких гельштатских ножей с тонкими, как листья, клинками из отливающего тусклой синевой металла. Еще приобрел моток длинной веревки, строенный железный крюк и плавающий пояс из тех, которыми пользовались ныряльщики за живым жемчугом и облачные охотники. Такие пояса состоят из скрепленных проволочными сеточками узких брусков красной древесины, добываемого на Прадеше. Каждый делается под заказ либо подбирается исходя из веса ныряльщика. Напоследок Гана купил дорожную котомку и белую полоску из кожи серапиона. Полоской этой он завязал левый глаз, решив, что так его труднее будет узнать.

Позади расположенного на краю острова магазина, как и раньше, был причал, охраняемый здоровенным мохнатым псом на цепи. Но прежние лихие времена минули, и теперь там не стояли ворованные эфиропланы: Младший Вэй не занимался перепродажей угнанных судов, на причале были пришвартованы лишь его собственный коршень да пара лодок. Прокопанная от кромки берега узкая прямая канава заканчивалась глубокой ямой. Ее перегораживала серобелая ноздреватая и мягкая стена из слипшихся полипов-этикней. Первыми их научились использовать островитяне, ну а белые переняли этот способ добычи воды. Этикени пропускали через себя попадающий по канаве облачный пух, питались им, а в яме скапливалась мутноватая теплая вода. Ее можно было процедить еще раз либо использовать так.

За медную монету Вэй позволил Гане помыться. На-Тропе-Войны заплет волосы в толстую косицу, которую перевязал кожаным шнурком, надел новую одежду и повязку на глаз. Поглядев на себя в зеркало, висящее за прилавком, решил, что если и не стал неузнаваем, то, во всяком случае, внешность его сильно изменилась и теперь не так привлекает внимание.

– Котомку с оружием и веревку оставляю у тебя, – сказал он хозяину. – Потом вернусь, заберу.

– А если не вернешься? – спросил Вэй.

– Не вернусь – оставишь себе.

Плавательный пояс Гана надел под рубаху, которую не стал заправлять в штаны, чтобы его не было видно.

Из магазина он направился в порт. Приближался вечер, теперь на улицах было множество народу. На-Тропе-Войны прошел вдоль причалов и, не увидев ладьи с фигурой океанского демона на носу, окликнул одного из лодочников, которые сидели на земле возле склада.

– Ты мне трое деньга давай, – заявил мускулистый туземец среднего возраста, беспрерывно жуящий темно-красные листья «пьяной пальмы». – Я тебя плыть куда хочешь.

– Одна монета, – откликнулся Гана. – Плыдем на Атуй.

Лодочник раздвинул в ухмылке темно-синие губы, показав беззубые, распухшие от частого употребления дешевой гношильной жвачки десны.

– Двое деньга, не мельче, – заявил он.

– Ладно. Но за две монеты дождешься меня и отвезешь назад.

– Так, да. – Туземец встал, энергично взмахнул руками, разминаясь, и показал в сторону небольшого причала, крайнего в ряду длинных настилов, поддерживаемых вертикальными бревнами. – Вона кораблик. Топай-топай к нему. Мой – Кахулка, – добавил он, ступая на причал и сплевывая темно-красной от пальмового листа слюной. – А твой?

– Тулага, – подумав, сказал На-Тропе-Войны.

– Молодец ты. Прыг-скок на кораблик, Тулага.

– Она же без паруса... – удивился Гана, когда лодочник спрыгнул в небольшую джигу, на дне которой лежали два весла с очень широкими лопастями. – Эй, Кахулка, без парусов только небольшие лодки плавают...

– Прыг, – повторил тот с улыбкой, усаживаясь на передней лавке спиной по ходу движения. – Мой умеет. Твоя смотреть, как Кахулка грести: проворно весьма.

Он вставил весла в уключины. Гана сел у кормы, лицом к туземцу. Отвязав джигу, тот вновь взялся за весла. Лопасты опустились в пух, что медленно перекатывался вдоль бортов лодки. Эфир взбурлил, мягкие хлопья взлетели двумя невысокими фонтанами, а туземец распрямился, упираясь ногами в наклонную доску на дне джиги, поднял весла, вновь согнул спину – они понеслись вперед.

* * *

Вернувшись с Атуя, Диш Длог прошел в кабинет и первым делом налил себе тростниковки из бутылки, которая всегда стояла на его столе. Осушив стакан, торговец откинулся на стуле, машинально постукивая кулаком по заваленной бумагами столешнице. Управление большим предприятием требовало жесткости и решительности – и Длог вполне соответствовал делу, которым занимался, потому что таким и был: жестким, решительным. А еще равнодушным. Его интересовали только имущество и деньги, это был своего рода азарт. Заработать больше, больше, еще больше, расширить предприятие, купить новый торговый клиргон, чтобы немедленно отправить его к Тхаю с партией перламутра и патоки, забрать у рыбаков за долги розалинду и послать ее в рейс с той же командой – но теперь вынужденной отдавать три четверти улова новому хозяину, – вложить деньги в плантацию, купить далекий островок... Островок! Пальцы сами собой сжались в кулак, и Диш вновь ударил по столу, на этот раз куда сильнее. Уги-Уги, жадный проходимец! Это их совместное тайное дело... ведь Диш вложил куда больше денег в ту экспедицию, а теперь монарх требует себе половину дохода, так как это его люди, видите ли, охраняют место от укушенных и сражаются с подземными безумцами...

Торговец потянулся было к бутылке, но в последний момент отдернул руку. Было только три часа пополудни, а он старался не напиваться днем.

Торговый дом «Д&Д» стал для него всем. И хотя мысли о том, что значительная часть денег, вложенная в предприятие, принадлежала покойному компаньону Тапу Дарейну, а еще почти треть – Купеческим Плотам, которые теперь хотят вернуть свою собственность... мысли эти до сих пор иногда посещали Длога, но повлиять ни на что не могли. Он не намеревался брать в долю Тулагу-младшего и не собирался отдавать ни медяка купцам.

После той потасовки, когда один из них пришел в сопровождении пятерых черномазых имаджинов, воители пока что не давали о себе знать. Диш слышал, что по другую сторону горы в порту Королевского города стоят две их круглые скайвы. Из пассажирских они были переоборудованы под торговые корабли... грузовые, но не военные. А вот что будет, когда Суладара достигнет военный флот под предводительством Влада Пираньи, которого купцы наняли за баснословные деньги, чтобы он помог им победить гаераков? Знаменитый пират, уроженец Имаджины, раньше грабивший суда в Оглом море и Туманных бухтах на восточном побережье Прадеша, за несколько месяцев смог сделать то, чего купеческие воители не добились за полтора года: разбил два флота, состоящие из сотен пиратских лодок, оттеснил обратно к Аркам Фуадино, не позволив львиным людям посадить гнезда облачной лозы в центре Кораллового океана и таким образом надолго закрыть путь для торговых кораблей. И вот теперь, утихомирив прайды гаераков, Влад может взяться за Суладар... Хотя нужна ли купцам война с архипелагом? Во-первых, так они лишь потеряют рынок сбыта, во-вторых, правители Тхая и Змеядана не захотят, чтобы Владетели Плотов воцарялись на Суладаре, а потому могут оказать помощь принцу Рону против купцов... Торговец нахмурился, вспомнив о принцессе. Еще и свадьба с наследницей Большого Эрзаца! Это могло испортить отношения белого короля с Тхаем, ведь тамошний правитель сам хотел жениться на Гельте де Алие. Ко всему прочему недавно Длогу сообщили, что в порту Королевского города встала на рейде небольшая, но очень хорошо вооруженная дайкота – яхта из тех, что строят корабельщики Имаджины. По слухам, именно на таком эфироплане передвигался Влад Пиранья... И зачем он, оставив свой флот возле Конгруэра, явился на остров?

Раздался стук, и торговец с удивлением понял, что, размышляя, сам не заметил, как налил тростниковую водку в стакан, и теперь держит его в руке, поднеся к приоткрытым губам.

– Хозяин! – прозвучал снаружи голос управляющего.

Диш поспешно выпил, поставил стакан, откинулся на стуле и сказал:

– Да, входи.

Краг прикрыл за собой дверь и остановился по другую сторону стола.

– Возле Мачули встал клиргон под рыжим флагом, – произнес он негромко. – Без груза, только капитан с командой.

– Пустой? – переспросил Диш.

– Да. Капитан говорит, что все серапцы, которых он вез, погибли из-за эпидемии желтой чумки на борту. Вы знаете, такой может заболеть только укушенный – поэтому команда осталась жива. Но капитан почти разорен, ему нечем заплатить жалованье, матросы собираются поднять бунт – в общем, он хочет продать судно.

– Сколько? – спросил Длог.

Управляющий назвал сумму, и торговец покачал головой.

– Так много – за корабль, плававший под рыжим флагом?

– Капитан уверяет, что заставил моряков буквально вылизать его. Каждая щель и доска промыты скипидаром.

– Я-то знаю, что серапия не передается через доски, – откликнулся Диш. – Это знают капитан, матросы с клиргона, ты... Но этого не знают те, кто захочет купить у меня товар. И

если они каким-то образом услышат, что раньше корабль, на котором этот товар доставлен, перевозил укушенных? Тогда они ничего не купят. Побоятся, что зараза перешла на груз.

– Никто ничего не узнает, – возразил Краг.

– Возможно. Говоришь, у капитана безвыходное положение?

– Ему даже нечем заплатить пошлину в порту Да Морана. Потому-то он и стал в бухте Мачули. Но...

– Ну так предложи ему... – Длог назвал в два раза меньшую сумму.

– Вряд ли, – откликнулся Краг. – Он тогда захочет устроить что-то вроде аукциона. Даст знать всем богатым торговцам Да Морана – кто заплатит за клиргон больше, тот и получит его. Даже если не использовать судно для торговли, можно сменить название, отогнать на Тхай или Грош, продать там в три раза дороже и...

– Капитан *уже* связался с остальными торговцами? – перебил Диш.

– Пока только с нами, – сказал Краг. – Он дал знать через своего приятеля, который в порту работает. Я его иногда угощаю выпивкой в трактире на площади, новости узнаю...

– Ясно. Сделаем так. Скажи своему приятелю, чтобы он передал капитану: я дам ему ту сумму, которую сейчас назвал тебе... ладно, плюс еще пять тарпов. Не больше. Если до завтрашнего обеда... нет, если завтра утром он не явится сюда и не пойдет со мной к нотариусу подписывать купчую, я лично отправлюсь к Уги-Уги и доведу до его сведения, что на Мачули прячется рыжий корабль. Ты знаешь, как относятся туземцы к торговцам укушенными? Передай приятелю, что дальше нам с монархом ничего и делать не придется: Уги-Уги просто расскажет про это своим слугам, те расскажут своим друзьям... еще до вечера вся команда клиргона вместе с капитаном будет прибита к пальмам Мачули, а их скальпами начнут торговать на рынке Туземного города. Ну а потом мы с Уги-Уги заберем корабль, продадим и поделим выручку. Ты все понял? Иди. Нет, стой. Этот преторианец до сих пор бродит вокруг, и прокторы ничего не могут поделать. Договорись с кем-нибудь... найди в городе или лучше в порту кого-нибудь, кто бы смог изловить его и передать им. Или, еще лучше, сразу убить. Но сначала приведи этого человека или этих людей сюда, я сам поговорю про оплату.

– Капитан, – сказал Краг.

– Что?

– Капитан этого клиргона, перевозившего укушенных.

– Зачем капитан станет заниматься подобным? – удивился Диш.

– Но вы принуждаете его продать свой корабль задешево. Несколько лишних тарпов ему не помешают. Мой приятель из порта говорил: он отчаянный головорез. Забияка, вот как. И оставшись без корабля... что он будет делать дальше? Почему бы ему не изловить какого-то бродягу, за которого платят?

– Хорошо, – согласился торговец. – Поговори с ним. И побыстрее. Может, уже сегодня ночью избавимся от преторианца.

Кивнув, управляющий собрался выйти, когда в дверях появилась Арлея с несколькими мужчинами позади.

Опустив голову, Краг проскользнул мимо молодой хозяйки и гостей в коридор.

– Диш... – начала девушка, и торговец с недовольством кивнул.

– Входите.

Она ввела в кабинет троих: Долки Зеленца, хозяина двух плантаций и заводика по изготовлению тростниковой водки, Этти Слампа, управляющего Магазидами Извилистого Терниора, предприятия, имевшего филиалы – от мелких лавок до больших магазинов – на одиннадцати островах архипелага, и капитана Атонгу. Этот метис неожиданно для многих разбогател и владел теперь двумя рыбацкими и одним торговым кораблями, а также портовой мастерской для накачки кулей летучим газом.

Диш приподнялся на стуле, краем глаз замечая, с каким интересом Атонга глядит на его дочь. Из девчонки та превратилась в молодую женщину, высокую, со строгими, правильными и привлекательными чертами лица, красивыми темными волосами... «Пора выдавать ее замуж», – в который раз за последние месяцы подумал Диш. Теперь Арлея, что называется, выгодная партия. Можно совершить удачную сделку... но, конечно, не с метисом-судовладельцем – слишком мелкая сошка.

– Иди, – велел торговец дочери. Девушка посмотрела на него со злостью. Вчера вечером они крупно повздорили: Арлея попыталась убедить отца в том, что бесчестно было выгонять Тулагу-младшего, Диш же, к тому времени уже пьяный, наорал на нее.

Когда дверь закрылась, он с вопросительным видом повернулся к гостям.

– Надо что-то решать с купцами, – прокрипел Слам. – Ты знаешь, что Влад Пиранья сейчас на Да Морана? Мой человек из дворца сообщил: он договаривается о встрече с принцем Роном.

– И что ты предлагаешь? – откликнулся Диш Длог. – Садитесь.

Они расселись на стульях и креслах вокруг стола. Слам и Долки Зеленц как-то уж очень долго расправляли штаны и полы камзолов, проводили ладонями по сапогам, будто заприметив царапину на коже, сопели и что-то бормотали... И все это для того, чтобы менее опытный в подобных делах, агрессивный и глуповатый Атонга заговорил первым: тогда впоследствии всегда можно будет сказать, не соврав, что предложение исходило от метиса – пусть он и отдувается.

– Лига! – объявил он, горделиво складывая руки на груди и со значением глядя на Длога. – Лига свободных торговцев Суладара.

– Лига... – протянул Длог, откидываясь в кресле и уставив задумчивый взгляд на горлышко бутылки. – Кстати, не хотите выпить? И что, по-вашему, даст эта Лига?

Глава 7

Весь островок, шириной в одну танга и длиною в полторы, был, так или иначе, занят либо дворцом Уги-Уги и монаршими садами, либо причалами, либо хозяйственными постройками. Он имел форму груши, экзотического плода с Бултагари, который Гана видел лишь раз в жизни. Вытянутая более узкая часть, где располагались причалы, была направлена в сторону Да Морана.

Когда Наконечник остался позади, Гана сказал лодочнику:

– Обогни его слева и пристань где-нибудь возле рощ.

– Тихонько туда хотеть? – забеспокоился Кахулка. – Тулага не бандит ли? Мой опасаться, мой стража Уги-Уги бояться.

– Нет, я не бандит, – заверил На-Тропе-Войны, показывая туземцу монету. – Я торговец.

От Монаршего острова до течения Орбитиум было около десяти танга. На фоне медленно темнеющего неба Гана видел размытую светло-серую полосу – часть гигантского овала из бушующих пуховых хлопьев, что окружал Аквалон стеной, непроходимой для любого, даже самого мощного эфироплана. За владением Уги-Уги вплоть до Орбитиума простирался лишь открытый облачный океан с редкими рифами. Эта область именовалась Серапионовыми рифами, потому что обитатели облаков лучше всего ловились именно здесь.

– Что там за огни? – спросил Гана, увидев среди росших на берегу деревьев разноцветные светляки.

– Праздник большой, Тулага не знать? – удивился лодочник, неумоимо гребя дальше. – Четыре по десять год тому Уги-Уги родиться.

Теперь они плыли по дуге, примерно в одном осте от южного берега Атуя. Причал, возле которого стояли ладья Уги-Уги и два оснащенных большими огнестрелами кризера, составляющие, не считая патрульного дорингера, весь военный флот монарха, остался справа. Темнело, и среди облаков лодочку Кахулки с острова различить можно было, только лишь если внимательно смотреть в подзорную трубу. Потянулся берег, заросший высоким тростником. Дальше началась сплошная стена деревьев, на границе которой маячило несколько сторожевых башен.

– Тулага здесь сходить? – поинтересовался туземец и, когда Гана кивнул, стал поворачивать лодку.

Высокий тростник шуршал, тихо постукивал на ветру. Нос джиги раздвинул стебли, и Кахулка осторожно повел ее дальше. Когда стал виден берег, он сказал:

– Деньга давать.

Гана протянул ему одну монету и показал вторую.

– Получишь, когда вернусь.

– Если до полночи вернуться – одна деньга, – согласился туземец, зевая. – Если далее – две деньги.

– Ладно. – На-Тропе-Войны перекинул ногу через низкий борт и опустил ее в пух, из которого торчал тростник.

Кахулка вытянулся на дне джиги и прикрыл глаза. Решив, что в плавательном поясе двигаться будет неудобно, Гана снял его, положил рядом с лодочником.

– Пояс стоит дорого, – негромко произнес На-Тропе-Войны, – не вздумай уплыть с ним, Кахулка. В городе я все равно отыщу тебя и тогда убью, понял?

Лодочник сделал вид, что не слышит, и Гана пошел к берегу. Миновав узкую полосу земли, он увидел далеко слева сторожевую башню, на вершине которой горел костер и маячила фигура дозорного, лег и медленно пополз. Приглушенная музыка звучала в глубине острова. Оказавшись среди деревьев, На-Тропе-Войны выпрямился и стал осторожно двигаться от ствола к стволу. Роща вскоре закончилась, а музыка стала громче – теперь он слышал стук

барабанов, звуки дудочек и гитар. Он надолго замер, когда подул ветер и сквозь все это донесся тихий скрип. Наконец разглядел растущее слева высокое дерево с длинными ветвями, на которых болталось трое повешенных аборигенов.

Гана миновал обширный пустырь, обошел пустой загон, несколько хижин и сарай – из него слышалось похрюкивание. Под стеной спал в обнимку с большой плетеной бутылкой туземец, еще двое громко пели пьяными голосами. Наконец он достиг пространства, освещенного масляными фонарями, что крепились на подставках возле изогнутого подковой трехэтажного монаршего дворца. На концах «подковы» высились две башенки с круглыми окнами, из которых торчали стволы пушек. Между крыльями дворца стояло несколько длинных столов и горели костры. Здесь было множество людей: часть сидела за уставленными посудой столами, кто-то плясал, другие громко разговаривали, собравшись группами. Несколько музыкантов играли на помосте слева, а вокруг костра танцевали высокие обнаженные туземки в венках, увешанные гирляндами из разноцветных цветов. Гана, спрятавшийся в темноте на самой границе освещенного пространства, разглядел двоих стражников с копьями, что охраняли распахнутые двери строения. Со всех сторон звучали голоса и смех, празднество по случаю дня рождения монарха было в самом разгаре. На-Тропе-Войны пробрался к углу здания, чуть не наступив на валявшуюся в траве бутылку. Поднял ее, выпрямился и расправил одежду. Праздничной походкой он направился к столам, покачивая рукой с зажатой в ней бутылкой.

Большинство присутствующих были толстяками – признак богатства у островитян, – одетыми как состоятельные белые люди. Однако наряды гостей казались безвкусной пародией на костюмы белокожих: камзолы были украшены разноцветными шнурами, тяжелыми цепочками и нелепыми шелковыми бантами, а уши, носы, запястья и пальцы – дырявыми золотыми монетами, кольцами и браслетами, причем зачастую женскими. Здесь собрались наместники дальних островов, владельцы рыбацких кораблей, самые преуспевающие ловцы серапионов, которые смогли купить участок земли на Да Морана и обзавестись хозяйством. Было и несколько бледнолицых – в основном владельцев богатых торговых домов, хотя На-Тропе-Войны не заметил среди них Диша Длога.

На-Тропе-Войны сел на лавку около стола, поставив бутылку перед собой. Стражники маячили у дверей дворца, почти все окна которого были озарены. Изнутри также доносились голоса и смех. Возле Ганы стояли тарелки со свиной, вымоченной в уксусе мякотью этикелей, засахаренными присосками перцерей, рыбой всевозможных видов и способов приготовления, другими яствами – Уги-Уги не поскупился на угощения.

Он огляделся. Несколько туземцев о чем-то спорили, один спал, уткнувшись лицом в свою тарелку. Нигде не увидев монарха, Гана решил, что Уги-Уги находится во дворце. Стражники возле входа не казались настороженными и внимательными. Один прислонился к стене, оперев копьё в землю, другой же вообще сел на корточки, положив оружие перед собой. На-Тропе-Войны привстал, рассматривая окна, за которыми иногда мелькали фигуры.

Тут двое из компании, сидящей за его столом, принялись драться. Один упал с лавки, тяжело вскочил; раздался смех и голоса – Гана разобрал, что собутыльники предлагают устроить дуэль. Упавший неверным движением вытащил нож из-за пояса, потряс им и что-то слезливо заголосил. Тот, кто толкнул его, выпрямился и тоже достал оружие, рукоять которого была украшена посверкивающими в свете огня мелкими серапионовыми глазами. Остальные поднялись и, не прекращая смеяться, повели соперников к пустому пространству между костров. На-Тропе-Войны заметил, что на краю этого пространства, где виднелись подозрительные темные пятна, лежит тело с неестественно повернутой головой. Должно быть, кто-то из разгоряченных выпивкой и танцами гостей уже выяснял там отношения.

Когда компания удалилась на несколько шагов, Гана встал и приблизился к спящему туземцу. Тот негромко храпел, иногда принимался ворочаться и похлопывать ладонью по краю

стола. На-Тропе-Войны еще раз оглядел полный движения и гомона двор, озаренный прыгающим красным светом, обхватил синекожего за плечи и рывком приподнял.

– Что?.. – протянул пьяный, всем телом наваливаясь на Гану. – Не трррогать! Я есть великий наместник Остланки!

Припомнив, что Остланкой назывался жалкий островок к востоку от Да Морана, населенный в основном рыбаками и ныряльщиками за жемчугом, Гана повел наместника в сторону дверей. Пьяный что-то неразборчиво бормотал, едва переставляя ноги. Когда до дворца осталось несколько шагов, сидящий на корточках стражник выпрямился, и На-Тропе-Войны громко произнес:

– Спать, спать пора, ваша милость! Неудобно же на земле, в постель надо...

Стражник сделал было шаг вперед, преграждая путь, но затем махнул рукой и отступил.

Кивнув, Гана втолкнул наместника в распахнутые двери. Он попал в просторный коридор с лестницей в конце. Под стеной, рядом с огромной вазой, прямо на полу спал один из гостей. Переступив через его ноги, На-Тропе-Войны дотащил пьяного до лестницы, оглянулся – стражники остались снаружи. Он стал подниматься, с трудом волоча навалившееся на него грузное тело. Дворцу Уги-Уги оказалось далеко до громады Рона Суладарского – по сути, это был просто большой трехэтажный дом. Второй этаж отличался от первого лишь длинным рядом дверей. С места, куда выводили ступени, были видны оба плавно изгибающихся крыла. Слева от лестничного проема стояло бархатное кресло, и Гана с облегчением усадил в него наместника. Пьяный неразборчивым голосом выкрикнул что-то угрожающее, поворочался немного и заснул.

Окна располагались в стене со стороны двора, с противоположной были двери. Гана прошел от одного конца коридора до другого. Некоторые двери были закрыты – иногда из-за них доносились голоса компаний, которые предпочли уединиться в комнатах, а не праздновать вместе со всеми, – другие оставались распахнутыми. В полутьме одной из комнат На-Тропе-Войны разглядел кровать, где среди разбросанных подушек и перепутанных одеял спали обнаженная туземка, напоминающая тех, что танцевали вокруг костра, и белокожий старик, одетый только в расстегнутый камзол. Две двери, расположенные в концах коридора, вели на балкон – длинной дугой он протянулся вдоль всего здания. Гана вышел туда, увидел крыши построек, растущую неподалеку высокую пальму, кусты. Позади домов, стоящих за дворцом, горели огни и сновали фигуры – там праздновали слуги. На третьем, последнем этаже балкон отсутствовал; На-Тропе-Войны разглядел нижние части ставен: большинство окон там было раскрыто.

Он вернулся в коридор, поднялся на следующий этаж и заметил двух воинов-онолонки, стоящих под дверью слева от лестницы. Как только Гана появился, они подняли пуу, и один сказал:

– Прочь.

– Гость нельзя тут, – добавил второй.

Гана кивнул и попятился. Тихо спустившись по ступеням, остановился, размышляя. Снаружи донесся женский визг, затем громкий хриплый смех. Забрыцало оружие, вновь кто-то захохотал, затем раздался звон разбившейся бутылки.

Бесшумно миновав коридор, Гана ступил на балкон и прошел почти до его середины, туда, где выше находилась комната, охраняемая онолонки. Прижавшись спиной к ограждению и отклонившись назад, задрал голову. Окна комнаты, из которой лился свет, также были раскрыты – он увидел край подоконника и услышал неразборчивый голос. Снял повязку с глаза, сунул в карман и залез на ограждение. Присел и, резко выпрямившись, подпрыгнул. Пальцы вцепились в подоконник, он повис, чуть покачиваясь. За спиной шелестела на легком ветерке крона пальмы. Голос сверху смолк, затем что-то произнес другой, и тут же раздался третий – жалобный, просительный, который сказал: «Нет, прошу тебя, не надо!»

Гана подтянулся и заглянул в комнату в тот миг, когда прозвучал удар.

Стены помещения были затянуты плотной красной тканью. Слева располагалась кровать, широкая, как палуба скайвы. Лежавшую на ней раздутую темно-синюю тушу Гана в первый миг принял за детеныша кита-болловы, что иногда заплывали к Кораллам. Только у этого тела был не плавательный пузырь, но живот, не короткие мясистые плавники, а лишенные волос пухлые руки и ноги. Две юные туземки прикорнули рядом с монархом, в ногах его стоял медный тазик, полный густого прозрачного масла, а по левую руку на круглом подносе – мисочка с черным пузырящимся веществом. Перед кроватью на коленях скрючился пожилой туземец в дорогой одежде, за спиной которого находился еще один островитянин, кривоногий коротышка с топориком в руке. По углам комнаты горели лампы, в их свете на лезвии оружия виднелась кровь.

Когда На-Тропе-Войны заглянул в комнату, стоящий на коленях, разинув рот и выкатив глаза, начал клониться вперед. Стукнувшись лбом о край кровати, он упал, и теперь стало видно, что затылок его проломлен.

– Камека, убери жадину, – донесся откуда-то из недр синей туши искрящийся радостью голосок. – Сам виноват, Пулех, сам, ведь мы хотели от тебя совсем немного...

Плечо и впалую грудь Камеки переклестывал ремень, на спине висело пять узких чехлов – из четырех торчали обухи топоров-пуу. Коротышка сунул оружие в свободный чехол, наклонившись, подхватил мертвеца за плечи и легко поволок к дверям. На-Тропе-Войны с удивлением понял, что убийца принадлежит к онолонки – а ведь все представители племени, которых он видел до сих пор, были пропорционально сложены, стройны и высокого роста. Задом открыв дверь, Камека попятился дальше и вытащил тело наружу. Дверь закрылась, наступила тишина.

Уги-Уги полулежал на зеленых подушках, выпятив огромный живот, казавшийся в свете ламп черным. Одежды на нем не было, лишь широкое полотенце прикрывало чресла. Правую руку монарха украшал золотой браслет, с которого свисало множество коротких цепочек, и на конце каждой, в изящной оправе, был крупный бриллиант желтого цвета. Наконец Гана разглядел, чем заняты туземки: то одна, то другая ленивым кошачьим движением зачерпывала масло из медного таза и принималась втирать его в огромные икры, колени или бедра монарха.

Гана решил, что больше ждать нечего – рывком подался вверх и вперед, прижался к краю подоконника животом, а после вскочил на него, замерев в проеме окна. Одна из наложниц оглянулась, вторая же вообще не обратила внимания на странного гостя. Зато узкие глазки, едва видимые на заплывшем лице монарха, распахнулись. Он начал тяжело приподниматься, протянув руку к колокольчику, свисающему со стены на витом шнуре.

– Меня зовут Гана Тулага Дарейн, – быстро и отчетливо произнес На-Тропе-Войны. – Я пришел не убить тебя, но поговорить с тобой. Слышишь? Ты можешь получить выгоду от нашего разговора.

Рука замерла – Уги-Уги внимательно смотрел на него. Потом темно-синие губы изогнулись в усмешке, и он произнес:

– Разноцветные очи... Торговец утром толковал о пареньке. Сын Безумца? Или нет? – Голос звучал тягуче и слегка неразборчиво. – Длог говорил нам, что ты – не он и тебя непременно следует убить, чтобы ты не нарушал покой наших земель. Желаешь поговорить? Входи, младший Тулага.

Глава 8

– Почему через окно? – лениво поинтересовался монарх.

– Разве твои стражники пропустили бы меня? – Гана Тулага Дарейн Младший смотрел на руку монарха, украшенную браслетом с бриллиантами. Камни были неестественно большими, раньше он таких не видел никогда, и все – одинакового рыже-желтого цвета.

– И потом, среди гостей есть торговцы. Они могли донести Дишу Длогу. Я не хотел, чтобы меня видели.

– Предприимчивый юнец. Не желаешь ли отведать? – Толстый палец показал на миску, полную черного пузырящегося вещества. Оно состояло не из сплошной массы, но из отдельных комьев, имеющих странно правильную форму – маслянистые сплюснутые шарики, кубы, пирамиды и колечки, лежащие так плотно да к тому же покрытые потеками и вздутиями, что между ними не оставалось пустого места.

– Не люблю гношиль, – сказал На-Тропе-Войны. – Слушай, Уги-Уги. Мой отец...

– Зато мы любим его, – перебил монарх, тихо хихикая. – И мы недавно отведали толику... Серапионовы мозги бодрят и радуют нас!

Уги-Уги говорил на языке белых гораздо лучше, чем большинство туземцев, но в речи его присутствовала некоторая странность – будто чужому языку монарха обучал по старинным книгам священник-канструктианец.

– Гношиль мутит рассудок, – возразил Тулага, повторяя слова, которые слышал когда-то от Джудигана. – Иногда под гношилем видят призрачный Канон и слышат голоса обитающих в нем богов. Из-за этого человек может обезуметь.

– Отведай, – настаивал монарх. – Хотя бы немного, лад? Не желательствуем мы беседовать с тем, кто не вкусил гношиля, в то время как сами пребываем под влиянием его.

– Нет, – сказал На-Тропе-Войны.

– Раз так, – рука, уже взявшая из миски маслянистый черный шарик, потянулась к шнуру с колокольчиком, – никакой беседы не будет.

– Хорошо. – Тулага поймал шарик, который ему кинул монарх, и поднес к лицу, осторожно сжимая двумя пальцами. Он понимал, почему Уги-Уги хочет, чтобы гость отведал наркотик: под его воздействием человек становится менее проворным, вялым, а мысли его начинают путаться. Тем более если ты непривычен к действию серапионова мозга...

Комок гношиля был мягким и липким. Гана Тулага Дарейн приоткрыл рот и поднес к нему шарик – наркотик не надо глотать, после этого ты, скорее всего, обезумеешь. Им вымывают десны, а после его посасывают, иногда осторожно слизывают языком. Тулага коснулся шариком верхней десны и медленно провел по ней, а монарх внимательно наблюдал, но тут одна из наложниц, втирающая масло в его ступню, случайно кольнула его мизинец длинным, покрытым ярко блестящей древесной смолой ногтем. Уги-Уги болезненно охнул.

– Нахака, дочь курицы! – заворчал он, приподнимаясь и занося руку. – Семь ударов палкой по пяткам завтра поутру!

Туземка испуганно сжалась, а монарх хлопнул ее широкой ладонью по голове – не сильно, но этого оказалось достаточно, чтобы она скатилась с кровати и упала на ковер. Ее подруга хихикнула. Наложница тут же забралась обратно, извиваясь и скуля, подползла к повелителю и принялась целовать пухлое колено. Уги-Уги, впрочем, уже позабыл о ней – глазки вновь уставились на ночного гостя, в руках которого теперь не было маслянистого шарика.

– Это дорогой гношиль, – сообщил монарх довольным голосом. – На Да Морана не сыщешь такого. Там его смешивают с толченой пальмовой корой и добавляют жженный сахар.

Тулага промолчал. В голове его звенело.

– Лад, так о чем желаешь просить нас? – поинтересовался монарх.

– Не просить. Предложить.

– Предложительствовать... – протянул Уги-Уги. – Нам часто предлагают – но редко что-то, что может понравиться нам. Как чувствуешь себя, сын Безумца?

Непривычный к действию гношиля, На-Тропе-Войны чувствовал себя странно. Во рту пересохло, в ногах появилась слабость. Но мысли пока не путались, он все еще четко осознавал, где находится и зачем пришел сюда.

– Значит, ты согласен с тем, что я его сын? – спросил он. – Знал моего отца?

– Мы встречались, – подтвердил Уги-Уги. – Хорошо знакомы были. Ты похож на отцеубийцу, сомнений нет...

– Отцеубийцу? – перебил Гана.

– Не знал? Ха! – Монарх осклабился. – Тап Дарейн был ратником сближения, даже обитал в их поселке. Потом в дело вместе с Дишем деньги вложил, богатействовать стал...

– Но я слышал, обезумев, он убил многих из них?

Монарх кивнул:

– Лад, слышал правильно. Дарейн на Преторию за убийцей старого короля Рона отправился. А убийца гаераком был, везде носил с собой колючки облачной лозы. Ранил Тапа, прежде чем убил тот его. Тап вернулся – и обезумел. Так толкуют люди...

– Ясно, – сказал Гана задумчиво. – Мне говорили, что все отцеубийцы исчезли?

Уги-Уги, прищурившись, хитро глянул на него.

– Страшное дело, а? Остальные пропали ночью из своей общины, наутро прокторы наши пришли туда – только мертвые тела тех, кого Тап зарезал, нет остальных! Больше никто не видал отцеубийц, где же они, где? – Монарх сделал большие глаза, удивленно посмотрел по сторонам, нагнулся даже, будто собираясь заглянуть под кровать в поисках оставшихся членов общины.

Не обращая внимания на его шутовство, Гана задал очередной вопрос:

– Это королева и принц наняли моего отца, чтобы он поймал убийцу короля?

Уги-Уги шевельнулся на кровати, махнул рукой – желтые камни на браслете тихо застучали друг о друга.

– Не такой важной персоной был Тап, чтоб королевская семья... Слышали мы, сам он явился к королеве и предложил свою помощь. А принц тогда слишком мала-мал был, чтоб решать что-то.

– Значит, ты хорошо знал Безумца. Помнишь его лицо? Я – его сын? Признаешь это?

– Лад, – подтвердил монарх. – Так зачем пришел, Младшенький?

Впрочем, по взгляду было видно, что он уже понял, для чего явился к нему ночной гость. И когда Тулага ответил, Уги-Уги не удивился:

– Объяви меня сыном и наследником Тапа Дарейна.

– Сыном и наследником...

Синяя ладонь легла на волосы наложницы по имени Нахака и принялась поглаживать их.

– Да. Моя доля есть в торговом доме Диша. Я хочу получить свою часть доходов. А ты будешь получать десятую долю от них.

– Десятую долю... – пробубнил монарх. Голос был теперь таким низким, что от звуков его дрожала комната. Гношил действовал: Тулаге чудилось, что стены, кровать, потолок и пол – все стало плоским, будто картина на большом холсте, натянутом в прямоугольной раме. Краски приобрели небывалую яркость, но предметы уплотились, слились в единый фон. Подушки и простыни сияли, переливались ярко-зелеными цветами, монарх обратился иссиня-черной китовой тушей посреди изумрудных волн, а наложницы – двумя рыбками-прилипалами, что пристроились у его хвоста. Огни ламп посверкивали, будто ядра облачных глобул в ночном океане. Позади всего, что окружало Гану, бесшумно сталкивались и расходились эфемерные перекаты – и нечто едва различимое, смутное, неявное мерцало сквозь них: то великий Канон

проявлялся все зримей сквозь дымку реальности. Затем мимо проплыл обитающий в Каноне кит – слишком огромный, слишком причудливого вида, чтобы Гана мог толком разглядеть его и осознать, как тот выглядит, – приостановился и молвил, разинув необъятную пасть... Отдельных слов Тулага не разобрал, но остатки значения, которое было заложено в сообщении божественного кита, достигли его рассудка, и в голове будто кто-то тихо и вкрадчиво произнес сквозь шипение, потрескивание и писк:

Забывтое Вершителем место. Пространство умирает здесь. В горизонте Сверхдальней Окраины звучит весть: на Аквалоне, попавшем в мертвую среду леса Каварга, потеряно живородящее биогнездо Большая Мать. Оно продолжает производить стаи искус-служителей. Квази обеспокоено, но не этим.

Голос не звучал, но вливался в рассудок мощным потоком смысла, слишком сложного, чтобы Гана мог сполна понять его. Стены комнаты и все остальное становились прозрачными, теряя материальную сущность, сквозь вещество мира во все стороны разворачивалась, расходилась структура более высокого уровня, чем человеческое пространство. Она состояла из мириад переплетенных мерцающих нитей, дорожек, на узлах которых дрожали, будто капли росы, крошечные поблескивающие образы – изображения, окутанные смысловыми сгустками.

Он зажмурился, сжал зубы так, что в ушах загудело, мотнул головой, а когда открыл глаза, окружающее приобрело прежние черты. И хотя странные тени все еще прятались по углам и под низкой кроватью, хотя ткань простыней и подушек иногда еще взблескивала неестественно ярким светом, то нереальное, что лежало вокруг Аквалона, вновь отступило на задворки мира.

– ...потому иначе надобно. – Только теперь Гана вновь стал понимать, что говорит Уги-Уги. – Мы признаем: ты – наследник Тапа Дарейна, а значит, принадлежит тебе половина дохода торгового дома, где Длог сейчас хозяйствует. После сделаем так, что займешь ты должность управляющего. Управлять станешь, понимаешь нас, лад? Весь свой доход будешь нам отдавать, мы же станем платить тебе... пять золотых.

Краем глаз Гана увидел, что дверь в комнату раскрыта и там кто-то стоит. Он чуть повернул голову – это был Камека. Должно быть, пока искажения, в которые гношил погрузил рассудок, туманили взор, коротышка-онолонки вернулся. Теперь он скособочился в дверном проеме, слегка согнув левую ногу и выпрямив правую, глядя на происходящее в комнате хозяина и прислушиваясь к разговору.

– Пять тарпов мало, – возразил Тулага. – И я не хочу становиться управляющим. Тогда не буду иметь ничего сверх того, что платит хозяин. Мне нужна доля в доходах...

– ...Каковую не получишь ты, – заключил монарх. Он зашевелился на постели, и складки покрывала зашевелились вместе с ним – будто мелкие перекаты эфирных волн. Вновь пространство расплескалось, пошло рябью, вновь все засияло изумрудными искрами, и смутные тени подступили ближе к ткани мира. Тулага сжал зубы до боли в челюстях, моргнул – видение исчезло.

Уги-Уги приподнялся, наложница Нахака юркнула к изголовью и несколькими быстрыми движениями взбила подушки. Монарх оперся на них, приняв сидячее положение, ласково заговорил:

– Ты, бродяга бездомный, приходишь к нам, Большой Рыбе, великому повелителю Суладара, и торгуешься? Требуешь? Посягательствуешь? Можем признать тебя младшим Дарейном, можем не признать. От тебя не зависит ничего, все решаем мы. Слушай наше слово, бродяга: ты умрешь. Либо согласишься быть управляющим торгового дома и получать то, что мы по милости своей согласны тебе давать. Пять тарпов! Да многие семьи синекожих никогда таких денег не видели! Жить будешь здесь, под нашим плавником...

– Нет, – сказал Тулага. – Я не согласен. Ты...

– Ну так убей его, – сказал монарх Камеке.

Коротышка-онолонки сорвался с места – он двигался, чуть согнувшись вбок, наклонив голову к левому плечу и приволакивая ногу. Вскинув руку, охранник выдернул из-за спины пуу, но Гана уже отпрыгнул в сторону и головой вперед нырнул в окно.

* * *

Он рухнул на пальмовую крону, скрипнув зубами, когда сломанная ветка ткнулась под ребра, будто тупой наконечник копья. Вцепился в длинные листья, заскользил вниз, но успел обхватить ногами ствол. Над ним в освещенном проеме окна возник силуэт Камеки. Онолонки занес пуу, однако беглец уже спрыгнул, покатился по траве, вскочил и помчался, низко пригибаясь, прочь. Каждое мгновение Тулага ожидал, что сверху прилетит и вонзится в спину топорик, но охранник предпочел не метать оружие в темноту. Зато из окна донесся голос Уги-Уги, отдающего приказы.

Гана миновал дворец, проскочил под сторожевой башней – вверху раздался невнятный оклик стражника, который, скорее всего, был пьян, как и большинство тех, кто находился сейчас на острове Атуй, – и быстро достиг роши. Он бежал до самого берега, ни разу не остановившись, и, лишь увидев прямо перед собой тростник, замедлил шаг.

– Кахулка! – прокричал он, слыша позади треск веток и голоса. – Эй!

Ноги до колен погрузились в облачный пух, когда беглец шагнул с берега, раздвигая тростник. Впереди раздался скрип, затем приглушенный голос лодочника произнес:

– Здесь.

Перешагивая через борт джиги, Тулага велел:

– Греби, быстро!

– Деньга... – начал туземец, садясь на дне, и осекся, услышав крики, доносящиеся из роши. – За твой бежать?

– Греби к Да Морана, или мы оба покойники! – рявкнул Тулага, опускаясь возле кормы и через голову стягивая рубаху.

Пока Кахулка выводил джигу из зарослей, Гана нацепил плавательный пояс, вновь надел рубашку и приподнялся, пытаясь разглядеть что-нибудь на берегу, но за высоким тростником не видел ничего, кроме пальмовых крон.

– Три деньга давать! – прокричал лодочник сзади. – Ой, кто плыть сюда!

Тулага повернулся. Джига уже двигалась в нескольких локтях от берега, параллельно ему; из глубины океана, со стороны дальних островов Суладара, растянувшись цепью, плыло множество маленьких пирог. На каждой виднелась широкоплечая фигура с коротким веслом в руке.

– Кто это? – удивленно спросил Гана, но Кахулка не ответил.

От того места, где джига вынырнула из тростника, донеслись голоса, затем возникла вспышка огня, громыхнул огнестрел. А пироги приближались, и с берега их наконец тоже заметили – раздались взволнованные крики.

– Говорил – не бандит твоя! – воскликнул лодочник в отчаянии.

– Я говорил тебе правду, – ответил Гана.

Туземец не слушал.

– Дворец хотел покрасть? Прокторы твоя искать! Онолонки всяческие! – Лодочник вдруг отпустил весла и сгорбился, свесив длинные руки между коленей. – И Кахулка искать, и Тулага. Пусть находят, Кахулка отвечать: не виноватый, не виноватый! Вон бандит, его бей-убивай...

– Я не бандит, – повторил Гана, привставая. – Я – пират. Меня называют Красный Платок, ты слышал обо мне, Кахулка?

Голова туземца поднялась, и глаза в ужасе уставились на пассажира.

– Греб к Да Морана! – повторил Тулага с такой угрозой в голосе, что лодочник, вжав голову в плечи, схватился за весла.

Они понеслись вдоль берега. Остров расцветал огнями факелов, пироги с черными силуэтами гребцов подплывали все ближе.

– Ты не узнаешь их? – спросил Тулага. – Кто это?

– Пирога... – простонал в ответ Кахулка, чуть не плача. – Есть это пирога гварилок с Маумау.

– Маумау... – повторил Тулага, припоминая название одного из самых дальних островов архипелага, где обитало полудикое племя туземцев. – Как звали их наместника, ты знаешь? Пулех?

– Пулех, да-а... – протянул лодочник, громко сопя. Он греб без остановки – весла взлетали и врезались в эфирный пух, поднимая облака хлопьев. Джига неслась вперед, приближаясь к Да Морана.

– Только что Уги-Уги велел убить их наместника, – сказал Гана.

Они плыли уже мимо узкой части Атуя. Теперь на острове горело множество огней, да к тому же из глубины его доносились беспорядочные выстрелы. Причалы тоже были освещены, и как только джига оказалась в поле зрения находившихся там, от берега отплыло несколько лодок.

– Заметить Кахулкин кораблик! – ахнул лодочник.

Две танга разделяли их и Да Морана, когда началась погоня. Кахулка греб так, как, наверное, не греб никогда в жизни – джига почти летела над облаками. Но на каждой из лодок преследователей было по три гребца, и они постепенно нагоняли. Иногда посудина проносилась над размытыми светящимися пятнами, будто фонарями, горящими где-то в глубине – там дрейфовали эфирные глобулы. Тонкие нити и узкие ленты – белесые дорожки Мэша – блекло светились в черном небе; едва заметно мерцал матовый диск погасшего на ночь светила, и рядом плыл с трудом различимый силуэт Кавачи. В стороне, у горизонта, вращалась исполинская воронка – зев богини Канструкты.

Позади раздался выстрел, но пуля пронеслась далеко слева.

– Быстрее! – выкрикнул Тулага, привставая. – Мы рядом уже!

– Куда прятать там? – выдохнул Кахулка.

– Бросим лодку на берегу, дальше я помогу тебе скрыться.

Осталось полторы танга, затем одна. Чуть в стороне горели огни в глубине Наконечника, но Кахулка повел джигу не к порту, а прямо к берегу слева от бухты. Теперь лодки преследователей были видны отчетливо, как и фигуры на них.

– Высадимся недалеко от Туземного города, но в него не пойдем, – сказал Гана. – Побежим к северному склону и спрячемся в рощах у плантаций. Потом...

Сзади раздалось одновременно два выстрела, и Кахулка вскрикнул. Выпустил весла, поднялся и, раскинув руки, упал спиной на дно. Перепрыгнув через доску, на которой сидел лодочник, Тулага склонился над неподвижным телом: на груди туземца расплывалось пятно крови. Кахулка не шевелился, глаза уставились в черное небо.

Гана оглянулся. Лодки преследователей были прямо позади. Огонь на мгновение высветил нос одной из них, вновь прозвучал выстрел, и пуля взвизгнула над самой головой. Красные отблески легли на океан, озарив силуэты туземцев: над Атуем разгоралось зарево пожара. Тулага поглядел на близкий берег Да Морана, на песчаную полосу, дома богачей за высокими оградами, край бамбуковой рощи – и прыгнул в облака.

* * *

Плавательный пояс не был сшит по заказу и не идеально соответствовал весу пловца – Гану немного тянуло вниз, в облачные пучины, но все же не настолько, чтобы нельзя было достичь суши.

Тулага направился не прямо к берегу: нырнув и преодолев некоторое расстояние, повернул в сторону бухты. Когда голова вновь оказалась над поверхностью, различил лодки далеко слева. Они уже почти догнали джигу, которая покачивалась среди облаков. Как только преследователи поймут, что в ней осталось лишь мертвое тело гребца, то, скорее всего, разойдутся веером, двигаясь в сторону Да Морана. Впрочем, разглядеть в темноте одинокого пловца почти невозможно, даже несмотря на то, что на носу каждой лодки горит факел. Гана нырнул и поплыл дальше, загребая руками мягкий, чуть влажный пух, казавшийся невесомым, почти неосязаемым на ощупь. Обычный человек без пояса мог продержаться на облаках не слишком долго: приходилось колотить по поверхности руками и ногами, и все равно тебя неудержимо тянуло вниз. Дышать приходилось, выставив над эфирным пухом голову, иначе он быстро забивал грудь и человек умирал. Но жизнь на Кораллах сделала Гану хорошим пловцом: ведь там у него не было пояса из красное дерева.

Он достиг Наконечника и поплыл вдоль берега. Лодки преследователей исчезли из вида. На суше горели одинокие огни, стояла тишина: все спали. Только со стороны порта, находившегося немного дальше, иногда доносились приглушенный лай собак и голоса ночных сторожей. Вскоре, увидев знакомый коршень и дом на берегу, Тулага повернул к ним.

Мохнатый пес заворчал, а после залаял, громко звеня цепью, и почти сразу из магазина в сопровождении слуги выскочил Младший Вэй с длинноствольным огнестрелом в руках.

– Это я, – произнес Тулага, выходя на берег между двумя лодками. – Тот, кто сегодня днем купил у тебя гелыштатские ножи и одежду. Пришел за своей котомкой и веревкой.

– Пришел? Я бы сказал: приплыл. Любопытный путь ты избрал... – откликнулся Вэй, не опуская ружья и с подозрением глядя то на странного метиса, то на тусклое зарево, что виднелось в глубине океана. – Что это там... Эй, малый, а ты не с Атуя ли добрался сюда?

– Нет, – ответил Гана. – Я был на другом острове. Но на обратной дороге мы проплывали мимо Атуя и видели, как к нему приближалось много пирог с туземцами. Кажется, они собирались напасть на дворец монарха. Хотя я могу и ошибаться.

– Пирог? – повторил Вэй. – Небольшие такие?

– Да.

– Это гварилки с Маумау! – объявил торговец. – Великий Зев, значит, они все же решились! Ладно, ступай в дом, – велел он слуге и, когда тот удалился, пояснил в ответ на вопросительный взгляд Тулаги: – Наместников на каждый остров назначает Уги-Уги, а Рон Суладарский назначение подтверждает или нет. Они стараются не делать главами островов местных, чтобы те не жалели островитян и собирали все положенные подати. Если, к примеру, Паулка и Толке враждуют, то на первом наместником становится какой-нибудь богач с Толке, а на втором – с Паулки. Но так вышло, что наместником Маумау стал Пулех, вождь гварилок, которые там живут. Уги-Уги был очень недоволен им: Пулех приносил в казну мало денег. Они с Уги-Уги крепко поссорились, но неожиданно монарх пригласил наместника на свой день рождения. Все знают, что это значит, но не появиться на празднике означает нанести смертельное оскорбление, и Пулех, скорее всего, поплыл на Атуй... И вот теперь, по твоим словам, гварилки приплыли следом. Быть может, Пулех уже убит?

– Моя котомка, – напомнил Гана.

– Алтой, принеси его вещи! – прокричал Вэй.

Донесся приглушенный стук входной двери – хозяин магазина с удивлением оглянулся, – затем появился слуга, сжимающий в руках котомку и свернутую веревку с тройным железным крюком на конце. Подступив к Вэю, он что-то зашептал.

– Хорошо, – ответил тот и сказал Тулаге: – Какой-то поздний покупатель. Подожди меня. Возможно, нам еще найдется, о чем поговорить...

Он поспешно ушел, а слуга присел на корточки, положив котомку между коленей. Гана шагнул вперед, протягивая руку, сказал:

– Дай.

– Хозяин ждать надо... – Алтой положил ладони на мешок, будто прикрывая его. – Как вернуться, сразу ты брать ее...

– Она моя... – Тулага нагнулся, скинул руку туземца, глядя ему в глаза и видя в них страх, взялся за узкий ремень, а когда поднял котомку и моток веревки, дверь магазина распахнулась.

Донесся голос Вэя: «Это он», – и на огороженный причал выскочили четверо людей: троица онолонки с топориками-пуу и молодой белокожий с рапирой в руках и пистолетами за поясом, в дорогом костюме и треуголке, из-под которой свешивались пряди светлых волос. Двоих туземцев Гана знал – слуги Диша Длога. Они замахнулись...

Перекинув ремень котомки и веревку через плечо, он схватил Алтой под мышки и рывком поднял. Топорик ударил в спину туземца и сразу – второй. Пуля из пистолета блондина впилась в синекожую поясницу, одновременно Гана выстрелил из-под руки Алтой. Он попал в бедро одного из онолонки, попятился, волоча островитянина за собой, прикрываясь им, – второй туземец и белокожий, ругающийся на чем свет стоит, бежали к нему, поднимая оружие. Когда преследователи были уже совсем близко, Гана изо всех сил толкнул на них тело мертвеца и опрокинулся спиной прямо в облачный пух. Он тут же погрузился с головой, провернулся у самого дна и поплыл. Гроыхнул выстрел, затем рядом с головой в дно ударил топор. Беглец протиснулся под днищем лодки, позади нее выставил голову из пуха, вдохнув, нырнул вновь – и потом плыл до тех пор, пока брань и вопли, царившие на причале под магазином Младшего Вэя, не стихли.

Глава 9

Одежда немного намокла от влаги, которая есть в облачном пухе, но ночь была теплой, и Тулага не замерз. Хватаясь за бревна, он пробрался под причалом, у берега привстал – и наткнулся взглядом на двоих, что быстро шли по настилу вдоль бухты, то и дело смотря по сторонам. Это были онолонки, один – слуга Диша Дюга, второй незнакомый. Скорее всего, блондин в треуголке находился где-то неподалеку.

За настилом горели воткнутые в землю длинные факелы. Для столь позднего часа вокруг было необычно много людей. Раздавались голоса, кто-то выкрикивал команды, скрипели снасти, через Наконечник к океану плыло несколько эфиропланов, озаренных тусклыми светляками ходовых огней: весть о нападении на монарший остров быстро дошла до города, и здесь поднялся шум. На причалах зажигали факелы и масляные лампы, там царила суматоха, к стоящему дальше клинбору спешили вооруженные прокторы. Во тьме над океаном разгоралось зарево пожара.

Но все это не помешало одному из онолонки услышать шлепки босых пяток по бревнам. Глянув назад, он увидел Тулагу, который попытался пробежать за преследователями, чтобы скрыться в полутьме между портовыми зданиями. Онолонки развернулся, вскидывая топор, и тут же услышал гневный окрик позади. Он так и не метнул оружия, потому что второй дернул его за плечо: к ним спешили пятеро прокторов, патрулировавших причалы.

Тулага к тому времени нырнул в короткую боковую улицу. Когда онолонки устремились за ним, свернул еще раз – и увидел впереди блондина. В руках того был длинный факел, который он выдернул у причалов.

Гане уже надоело прятаться. С самого своего появления на Да Морана он то и дело убегал от кого-нибудь – для человека, который всю предыдущую жизнь привык, наоборот, догонять и нападать, это было непривычно и унижительно. Лишь то обстоятельство, что, по сути, сейчас на стороне преследователей были все прокторы Туземного города, принуждало его скрываться в очередной раз.

Котомку он развязал еще раньше, и теперь, когда впереди показался блондин, а сзади донесся топот ног онолонки, Тулага, на ходу обернувшись, метнул нож – но не гельштатский, а тот, что был у него с самых Кораллов. Туземец в последний момент машинально вскинул правую руку, прикрываясь, и клинок пробил тыльную сторону ладони.

– Хороший бросок! – выкрикнул блондин весело, размахивая рапирой.

Онолонки присел, положив пуу на землю, стал доставать нож из ладони. Второй занес топор, но Тулага уже перемахнул через покосившийся плетень, за которым чернел остов большого дома, где недавно был пожар. Хозяева покинули его или, возможно, сгорели, и пока что этот участок города больше никто не занял: собачья конура была пуста, посреди двора лежала перевернутая двуколка, рядом темнел силуэт обугленного дерева.

Гана взбежал по черным рассыпающимся ступеням. Доска под ним провалилась, но беглец успел вспрыгнуть на перила. Они тянулись наклонно вдоль лестницы, изгибались под прямым углом и огораживали широкую веранду. Дальше высилась каменная кладка – останки фасада, чья вершина была теперь на высоте головы беглеца. Он собрался уже перепрыгнуть через нее, но тут сзади прозвучал голос:

– Станешь бегать до утра?

Гана обернулся. Двое онолонки и блондин, держащий факел, приближались к дому. Туземец с раненой рукой сел у обгоревшей калитки, сжимая пуу – на случай, если беглец каким-то образом обхитрит преследователей и попытается выскочить обратно на улицу тем же путем, каким проник во двор.

Пригнувшись на перилах, Тулага широко расставил колени и развел руки: левая оставалась пуста, правая сжимала гельштатский нож. Котомка с веревкой висела на спине.

– Экое ты... животное, – протянул блондин, оглядывая его. – Напоминаешь турмандила, как их описывал старина Грош.

– Турмандил? – спросил Гана.

– Ну да, знаешь ли, такие волосатые люди. Похожи на наших обезьян, только умнее и еще проворнее. Они, по слухам, обитают в Прадеше. Я никогда не бывал там, хотя...

– Что тебе надо?

– Поговорить?.. – откликнулся преследователь, приподняв бровь. – Или убить? Гм... все-таки убить. Три тарпа дадут за убийство – не за разговор.

Только теперь Гана хорошо разглядел его в свете факела. Молодой мужчина, на несколько лет старше преследуемого и на полголовы выше, был одет щегольски: ботфорты с раструбами, закрывающими колени, узкие штаны из мягкой серапионовой кожи – такие стоили очень больших денег, – приталенный камзол, под которым виднелась белая рубашка с пышными кружевными манжетами и расстегнутым воротом. На пальцах поблескивали перстни, на голове была вышитая золотыми нитями треуголка, а на краснощеком, пышущем здоровьем лице – широкая улыбка.

Вонзив факел в землю, блондин остановился, и онолонки, идущий рядом с ним, тоже встал. Туземец повернулся боком к балансирующему на перилах Гане, отведя назад руку с пуу.

– Торговец? – спросил Гана. – Диш Длог?

– Что... А, да! – откликнулся блондин. – Он предложил за тебя три золотых. Послушай... Не знаю, как тебя, кстати, зовут...

– Сейчас мое имя Тулага. Некоторые знают меня как Гану На-Тропе-Войны. Но ты можешь называть меня Красным Платком.

Кажется, блондин то ли ничего не слышал про пирата с Кораллов, то ли очень хорошо умел притворяться. Он стащил с головы треуголку, поклонился, взмахнув шляпой, выпрямился и сказал:

– С рождения мое имя Теодор Гревин Анастас де Смол. Хотя некоторые знают меня как Тео Смолика. Но ты можешь называть меня просто: мой убийца.

Стало видно, что светло-песочного цвета волосы его заплетены на макушке в толстую короткую косу, – пока шляпа находилась на голове, скрученная коса пряталась под ней, а когда мужчина снял треуголку, она распрямилась будто пружина. Концы волос рассыпались; все вместе это удивительно напоминало выросшую из головы невысокую желтую пальму, слегка наклоненную назад, будто под порывом ветра.

Преследователь водрузил треуголку на место, выхватил из ножен рапиру с замысловатой узорчатой гардой, сделал шаг к перилам – туземец тоже шагнул вперед – и вдруг остановился вновь.

– А деньги есть у тебя? – спросил Тео Смолик. – Три тарпа – ха! За пять сможешь выкупить у меня свою жизнь.

– Денег нет, – ответил Тулага.

– Денег нет... Нет денег, их все еще нет... Как часто я слышу эти слова в последнее время, – пробормотал Смолик, вместе с онолонки делая еще один шаг по направлению к веранде и поднимая рапиру. – Лишь двадцать пять тарпов за отличную лоханку... Жадный торгош! Ну что ж, мне очень жаль, что тебе нечем купить у меня свою жизнь. Если рассудить, мне до тебя и дела нет, а ведь до сих пор я убил лишь пятерых, которые не стояли у меня на пути. Четверых из них – будучи пьяным, что оправдывает меня, а одного – в страшном порыве ревности, хотя после оказалось, что девица не стоила таких усилий... Но делать нечего: убей его.

Все еще стоящий боком к дому онолонки вряд ли понял, о чем толковал этот говорливый бледнолицый, но два последних слова он расслышал хорошо – и метнул пуу.

Рука туземца на мгновение будто исчезла: вот она, сжимая рукоять оружия, отведена назад, – вот уже смотрит в сторону перил, пальцы распрямлены, и указательный направлен в силуэт жертвы, ну а топорика в руке больше нет...

С тонким свистом он пролетел, вращаясь в горизонтальной плоскости, над перилами, чтобы прорубить колени Ганы, который, однако, за мгновение до того подпрыгнул, поджав ноги.

Он прыгнул не вверх, а вперед, навстречу летящему топору. Когда пуу с хрустом ударился о каменную кладку, ступни Ганы вновь коснулись перил, но теперь их наклонной части, тянувшейся вдоль короткой лестницы. Тео Смолик рванулся к ней, делая длинный выпад рапирой. Туземец рыкнул, будто дикий зверь, настигающий жертву, и выхватил из-за спины второй топор. Ноги Тулаги пробарабанили по наклонной доске. Он прыгнул – онолонки отпрянул, но слишком поздно: Гана налетел на него, врезался лбом в его лицо, а нож вонзил под ключицу у правого плеча. Кончик длинного лезвия вышел на спине, туземец заорал, когда его переносица, хрустнув, сломалась, опрокинулся вбок и остался лежать неподвижно, потеряв сознание от боли.

– Раздери якорем твою... – Далее последовало не слишком разборчивое, зато крайне витиеватое моряцкое ругательство, которое прокричал Теодор де Смол. Его рапира поднялась, опустилась, вновь поднялась, блондин сделал прямой выпад – трижды раздавались лязг и стук... но не тот звук, который обычно сопровождает погружение заточенного металла в человеческое тело.

Гана, успевший выхватить у онолонки топор, стоя на одном колене, принял первый удар на обух, второй – сдвинув рукоять пуу и клинок ножа, так что рапира попала на место, где они перекрестились. От выпада он уклонился, нырнув всем телом в сторону и взмахнув рукой, сжимающей топорик, – лезвие попало по гарде и чуть не выбило оружие из рук противника.

Еще раз выругавшись, тот сделал шаг назад. Тулага вскочил, оскалившись и почти рыча, вытянув перед собой руки с пуу и ножом.

– Клянусь мошонкой, прыжок был знатный! – вскричал блондин, толкая носком ботфорта потерявшего сознание туземца. Он обернулся на второго, оставшегося у ворот, – тот уже не сидел, а медленно приближался к ним, сжимая здоровой рукой пуу, – и отрицательно качнул головой. Онолонки остановился, затем, пожав плечами, попятился и вновь сел на землю.

– Что-то подсказывает мне, – произнес Смолик, поворачиваясь в Тулаге, – что ты, странное животное, сможешь быстро исключить этого моего синезадаго партнера из нашей дружеской беседы, особенно ежели учесть, что одна его конечность уже выведена из строя. Так ты у нас, оказывается, сильный зверек? А ведь мне-то говорили, что опасности дикарь не представляет... Но это же онолонки – с ними мало кто способен совладать! И все же, – задумчиво добавил он, разглядывая кончик своей рапиры, – скорее всего я убью тебя. Я очень хорошо дерусь, понимаешь? Заявляю без ложной скромности, ибо не хвастаюсь, лишь отмечаю факт. Ты же необучен, пусть и ловок необычайно. Но скорость и ловкость – еще не все, главное в этом деле – умение.

Тео Смолик шагнул вперед.

– У тебя его мало... – Он взмахнул рапирой, клинок со свистом распорол воздух перед носом отпрянувшего Ганы. – У меня – хоть отбавляй!

Смолик бросился на беглеца, пытаясь сделать сложный боковой финт с быстрым уколом в плечо, а после ударом по бедру, – и кинутый Ганой пуу обухом ударил его в скулу. Под воротами туземец вскочил и метнулся к ним, занося над головой топорик. Теодор Гревин Анастас де Смол, ругаясь, как портовая девица, от которой, не расплатившись, сбежал матрос, растянулся на земле, выпустив рапиру и обеими руками схватившись за лицо. Гана Тулага Дарейн

вновь вскочил на перила, с них – на вершину каменной кладки, а с нее сиганул в темные высокие заросли позади двора.

– Чтоб серапион откусил твой...! – ревел Смолик, перекатываясь на живот, упираясь одной рукой в землю, а второй держась за подбородок, с которого текла кровь. Блондин открыл рот, собираясь разразиться очередным проклятием, но сдержался, сцепив зубы, когда скулу пронзила боль. Впрочем, долго молчать он не смог и вскоре уже, поднявшись на колени, смеялся, широко улыбаясь сквозь брызнувшие из глаз слезы.

– Знать, мало моего умения, – пояснил Тео туземцу, в изумлении таращившемуся на него. – Что пялишься, мой цивилизованный друг? Это прекрасное животное на перилах – сама природа, я же – всего лишь искусство. Искусство отточенное, совершенное, но что толку, ежели оно все равно порождено натурой, а не наоборот? Природа первична – потому сильнее. Хотя и скучнее стократ. Ладно, не печалься, говорливая обезьяна, а лучше помоги своему бездумному собрату вновь обрести себя. Какой сокрушительный удар от природы, как примитивно и действенно: обухом по челюсти, и вот уже искусство валяется в пыли... Красный Платок, а? Для него время течет живо: сплошные «сейчас» и «немедленно». Человек сильных порывов и желаний, видно сразу: рожден для войны и любви! Плыть, бежать. Вспрыгнуть на перила. Перескочить туда, метнуться сюда, ударить ножом, взлететь на ограду – и вновь бежать. Преторианцу живет весело и быстро в клокотании его чувств... Но не таков я! Жизнь для меня – сплошные вопросы, движения ума... поток «зачем?». Зачем Красный Платок покинул свои облака и приплыл на Суладар? Это связано с появлением здесь красавицы Эрзаца? Зачем торговцу нанимать кого-то, чтобы убить Красного Платка? Надо бы проследить за ним... Да! Наш торговец – жадная свинья... а я – сумасшедший идиот, раз подрядился на такую работенку за жалких три тарпа.

* * *

Увидев вышедшего из калитки высокого старика, Гана быстро присел, а после лег на землю. Он находился в той части города, где более благоустроенные кварталы белых и богатых туземцев сменялись хижинами бедноты. Дом, из которого появился старик, казался средним – не хоромы, но и не лачуга. Ночью похолодало, однако человек этот оставался полуобнажен: лишь короткие штаны болтались на худом, почти тощем теле. Хотя он был уже явно слишком стар, чтобы промышлять серапионами, на плече его лежало особое оружие, предназначенное для охоты на них.

Когда хозяин дома исчез в конце улицы, Тулага, пригибаясь, пересек ее, с разбегу перепрыгнул через невысокую ограду и приземлился во дворе, перед стеной одноэтажной постройки. Казалось, старик не боится грабителей: на калитке отсутствовал засов, пса на цепи здесь также не было.

Он обогнул здание, миновал ряд шестов, между которыми были натянуты тонкие веревки – на них сушились засоленные летучие рыбки и тонкие ломти серебристой серлепки, – после чего увидел изгородь, заросшую плотным слоем переплетенных стеблей и круглых листьев ирги. Тулага прошел вдоль изгороди, протиснулся между ней и задней стеной дома, наконец, достигнув угла, раздвинул руками ветки – в темной глубине было узкое отверстие.

Во дворе соседнего дома находилась конюшня, дальше виднелся приземистый склад, за ним – покосившийся старый сарай. В торце его была лестница, приставленная к дверце сеновала под наклонной крышей. На ходу поднимая камешек, Тулага повернулся к большому жилому дому, нашел третье слева окно, швырнул камешек – цокнув по стеклу, тот упал на землю у стены – и стал взбираться по лестнице.

Деревянные перекладины поскрипывали под ним. Гана приоткрыл сбитую из досок квадратную дверь, в порог которой упиралась лестница, заглянул, потом сунул внутрь голову: тем-

нота и тишина, запах сена, уютное тепло безопасного места, находящегося рядом с людским жильем, но давно пустующего... Он залез внутрь и осторожно прикрыл за собой дверь.

Но перед тем как сделать это, находясь уже на сеновале, посмотрел через плечо и заметил, что светлая занавеска на третьем слева окне дома теперь немного отодвинута в сторону.

Глава 10

Арлея открыла дверцу сеновала и увидела нож, кончик которого вынырнул из тьмы перед самыми ее глазами. Девушка замерла. Через несколько мгновений нож убрался обратно, впереди мелькнула смутная тень, придвинулась, обратившись человеческим силуэтом.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.